

ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

GERMAN
ARCHAEOLOGICAL INSTITUTE
EURASIA DEPARTMENT
Beijing Branch

ИСКУССТВО ДРЕВНЕГО ТЕКСТИЛЯ

Методы изучения, сохранность,
реконструкция

РЕДАКТОРЫ

И. И. Елкина

М. Вагнер

П. Е. Тарасов

Материалы Российско-Германского семинара
(Москва, 11–13 марта 2018)

Москва 2019   Oppenheim am Rhein 2019

ARCHAEOLOGY IN CHINA AND EAST ASIA

VOLUME 7

Editor: Mayke Wagner

THE ART OF ANCIENT TEXTILES

Methods of investigation, conservation and
reconstruction

EDITED BY

Irina I. Elkina

Mayke Wagner

Pavel E. Tarasov

Proceedings of the Russian-German Seminar
(Moscow, March 11–13, 2018)

400 Seiten mit 198 Abbildungen

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek

Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliographie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

УДК 902/904
ББК 63.4
И86

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Рецензенты:
член. корр. *Л. А. Беляев*,
к.и.н. *Е. С. Леванова*

Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция.

В издание, подготовленное совместно с Германским археологическим институтом по материалам научной конференции, прошедшей 11–13 марта 2018 в Институте Археологии РАН, вошли статьи российских и зарубежных исследователей археологического текстиля. Исследования охватывают широкий хронологический диапазон и представляют различные районы Европы, Азии, и Африки. В статьях затронуты вопросы комплексного изучения с применением естественно-научных методов, проблемы сохранности, консервации, реставрации, атрибуции, и реконструкции древних тканей и текстильных изделий.

Книга предназначена историкам, археологам, реставраторам, искусствоведам, студентам и всем, кто интересуется древним текстилем.

The art of ancient textiles. Methods of investigation, conservation and reconstruction.

This volume, prepared jointly with the German Archaeological Institute based on the materials of a scientific conference held on March 11–13, 2018 at the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, includes articles by Russian and foreign researchers of archaeological textiles. The studies cover a wide chronological range and represent different regions of Europe, Asia, and Africa. The articles present the results of interdisciplinary studies using comprehensive methods and touch upon the problems of conservation, preservation, restoration, attribution and reconstruction of ancient fabrics and textile products.

The book is intended for historians, archaeologists, conservators, specialists in art history, students, and the general public interested in ancient textiles.

© 2019 German Archaeological Institute, Eurasia Department, Beijing Branch Office

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences

ISBN: 978-3-96176-118-0

DOI: 10.34780/acea.v7i0.1000

Series: Archaeology in China and East Asia, Volume 7

Series Editor: Mayke Wagner

Editors: Irina I. Elkina, Mayke Wagner, Pavel E. Tarasov

Technical Editors: Natalia V. Belchenko, Moa Hallgren, Lynne M. Rouse

Layout: Sergei V. Kozhushkov, Nadezhda S. Safronova, Alla V. Golikova

Cover Design: Jan Evers

Printed in Germany by: optimalprints, Lengenfelder Strasse 11A, 08056 Zwickau,

www.optimalprints.de

Sales and Commission: Nünnerich-Asmus Verlag & Media GmbH, Krämerstraße 25,

55276 Oppenheim am Rhein, www.na-verlag.de

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА СЕРИИ	10
ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ	11

Раздел I. ТЕКСТИЛЬ АЗИИ И АФРИКИ

<i>Вагнер М., Хальгрен М., Елкина И. И., Тарасов П. Е.</i> и участники проекта «История моды на Шелковом пути». Штаны из могильника Янхай в Турфанском оазисе (северо-западный Китай): археологический контекст, возраст, техника производства и реконструкция	18
<i>Панкова С. В., Миколайчук Е. А., Гавриленко Л. С., Марсадолов Л. С.</i> Текстильные находки из центральных погребений кургана Аржан-1 в Туве	38
<i>Степанова Е. В.</i> Войлочная одежда из курганов пазырыкской культуры Алтая	75
<i>Елихина Ю. И.</i> Ткани из курганов Ноин-Улы, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, и их изучение	94
<i>Панкова С. В., Миколайчук Е. А.</i> Китайские шелковые ткани из Оглахтинского могильника (раскопки 1969 года)	108
<i>Тишкин А. А.</i> Фрагменты тканей из древних и средневековых памятников (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета)	142
<i>Бусова В. С., Килуновская М. Е., Леус П. М., Орфинская О. В.</i> Шелк в контексте погребального обряда могильника Ала-Тей 2 в Туве	155
<i>Орфинская О. В., Толмачева Е. Г.</i> Проблемы изучения и реконструкции древнеегипетской одежды по данным археологии: из раскопок ЦЕИ РАН в фиванской гробнице TT 23 (Луксор)	171

Раздел II. ТЕКСТИЛЬ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

<i>Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В., Мамонова А. А.</i> Об одном типе женских головных уборов рязанских финнов в III–V вв.	187
--	-----

<i>Шаунова С. М.</i> Золотоордынский текстиль в коллекции Волгоградского областного краеведческого музея	223
<i>Федотова Ю. В., Валеева-Сулейманова Г. Ф.</i> Головной убор периода Золотой Орды из женского захоронения	240
<i>Жилина Н. В.</i> Искусство декоративного оформления ткани нашивными бляшками в древнерусской одежде XI – первой трети XIII в.	249
<i>Степанова Ю. В.</i> Вышивка в древнерусском костюме XI–XIII вв.: место, значение, орнамент	270
<i>Елкина И. И.</i> Рубахи XVI–XVII вв. из захоронений Новоспасского монастыря в Москве. Исследование и реконструкция	290

Раздел III. ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕСТАВРАЦИИ ТЕСТИЛЯ

<i>Шишлина Н. И., Орфинская О. В., Севастьянов В. С., Кузнецова О. В., Леонова Н. В., Медведева П. С., Усманова Э. Р., Кукушкин И. А.</i> Изотопный состав шерстяного волокна эпохи бронзы: первые результаты и обсуждение	314
<i>Медведева П. С., Чечушков И. В., Алаева И. П.</i> Развитие ткачества в бронзовом веке Урало-Казахстанского региона (анализ отпечатков тканей на керамических сосудах)	327
<i>Денисова М. В.</i> Методы консервации археологических тканей. Прошлое и настоящее	346
<i>Синицына Н. П.</i> Методика изъятия, очистки и реставрации археологического текстиля из курганов Ноин-Улы	354
<i>Тихонова М. Н.</i> Повторная реставрация войлочного ковра из Ноин-Улы, Северная Монголия	368
<i>Грунина-Шкварок Т. В.</i> Реставрация войлочных чулок из второго Пазырыкского кургана – находок Горно-Алтайской экспедиции института истории материальной культуры	376
<i>Синицына Н. П., Синицына Е. С.</i> О реставрации бокки из Фонда Марджани (проблемы повторной реставрации предметов из текстиля и смешанных материалов).....	388
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	399

CONTENTS

SERIES EDITOR'S FOREWORD	9
EDITORS PREFACE	14

Section I. ASIAN AND AFRICAN TEXTILES

<i>Wagner M., Hallgren M., Elkina I. I., Tarasov P. E.</i> and the Silk Road Fashion Project members. Trousers from the Yanghai cemetery in the Turfan Oasis (northwestern China): archaeological context, age, production technique and reconstruction	18
<i>Pankova S. V., Mikolaichuk E. A., Gavrilenko L. S., Marsadolov L. S.</i> Textile finds from the central burials of the Arzhan-1 barrow in Tuva	38
<i>Stepanova E. V.</i> Felt clothes from the barrows of the Pazyryk culture of Altai	75
<i>Elikhina Y. I.</i> Fabrics from the burial mounds of Noin-Ula stored in the State Hermitage Museum and their study	94
<i>Pankova S. V., Mikolaichuk E. A.</i> Chinese silk fabrics from the Oglakhty cemetery excavated in 1969	108
<i>Tishkin A. A.</i> Textile fragments from ancient and medieval monuments (based on the collection of the Museum of Archeology and Ethnography of Altai, Altai State University)	142
<i>Busova V. S., Kilunovskaya M. E., Leus P. M., Orfinskaya O. V.</i> Silk in the context of the burial rite of the Ala-Tei II burial ground (Central Tuva, late 10th – early 11th century AD)	155
<i>Orfinskaya O. V., Tolmacheva E. G.</i> Problems of study and reconstruction of ancient Egyptian clothing: from archeological excavations of the Theban Tomb 23 in Luxor carried out by the Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences	171

Section II. EAST EUROPEAN TEXTILES

<i>Akhmedov I. R., Belotcerkovskaya I. V., Mamonova A. A.</i> About one type of female headdress of the Ryazan Finns in the 3rd – 5th centuries AD	187
<i>Shashunova S. M.</i> The Golden Horde textiles from the collection of the Volgograd Museum of Local History	223
<i>Fedotova Y. V., Valeeva-Suleymanova G. F.</i> Headdress from a female burial of the Golden Horde period ...	240

<i>Zhilina N. V.</i> The art of decorating fabrics with sewn-on plaques in medieval Russian clothing of the 11th – first third of the 13th century	249
<i>Stepanova Y. V.</i> Embroidery on medieval Russian costumes of the 11th – 13th centuries: place, meaning, ornament	270
<i>Elkina I. I.</i> Shirts of the 16th and 17th century AD from the graves of the Novospassky Monastery in Moscow: research and reconstruction	290

Section III. RESEARCH METHODS AND PROBLEMS OF TEXTILE RESTORATION AND CONSERVATION

<i>Shishlina N. I., Orfinskaya O. V., Sevastyanov V. S., Kuznetsova O. V., Leonova N. V., Medvedeva P. S., Usmanova E. R., Kukushkin I. A.</i> Isotopic composition of Bronze Age wool fibers: first results and discussion	314
<i>Medvedeva P. S., Chechushkov I. V., Alaeva I. P.</i> The development of weaving in the Ural-Kazakhstan region during the Bronze Age (analysis of textile impressions on pottery vessels)	327
<i>Denisova M. V.</i> Methods of conservation of archaeological fabrics: Past and present (from the experience of the State Hermitage Museum)	346
<i>Sinitsyna N. P.</i> Methods of removal, cleaning and restoration of archaeological textiles from the burial mounds of Noin-Ula	354
<i>Tikhonova M. N.</i> Repeated restoration of a felt carpet from Noin-Ula, Northern Mongolia	368
<i>Grunina-Shkvarok T. V.</i> Restoration of felt stockings from the second Pazyryk barrow - the find of the Gorno-Altaysk expedition at the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences	376
<i>Sinitsyna N. P., Sinitsyna E. S.</i> Re-restoration problems when working with textile and mixed material objects (on the example of the bokka restoration)	388
ABBREVIATIONS	399

SERIES EDITOR'S FOREWORD

This seventh volume of our book series “Archaeology in China and East Asia” (ACEA) is a novelty in several ways. It is a co-production with the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (IA RAS) as part of the Silk Road Fashion Project, a conference proceedings and a memorial to a deceased friend and colleague. Professor Ekaterina Georgievna Devlet (August 16, 1965 – August 23, 2018) worked at the IA RAS in Moscow, but was cosmopolitan in her research interests. She brought the editors and authors of this volume together. As an expression of our gratitude and appreciation for her, we present here 21 articles, the outcome of the Russian-German Seminar “The Art of Ancient Textiles: Methods of investigation, conservation and reconstruction“, which took place in Moscow in March 2018. Guest editors and their coauthors provide the most recent contributions to studies of archaeological textile finds from the broad belt that stretches from Xinjiang in northwest China to Egypt via southern Siberia, the Volga and Central Russia. The Silk Road Fashion Project is an interdisciplinary research project that was initiated as part of the priority program «Language of Objects» of the Federal Ministry of Education and Research (Germany). The original purpose was to study communication through clothing in eastern Central Asia during the 1st millennium BC and the 1st millennium AD. An understanding of technology and body knowledge, social structures, availability of resources, economic history and trade routes was sought. International interest in the project increased with the discovery of the oldest known trousers in the world and the resulting publication that appeared in 2014. I am very pleased that more unique textile objects and the results of their comprehensive analysis, presented during the first Russian-German seminar in Moscow, will now reach a wide range of readers, help to expand research within the framework of the Silk Road Fashion Project, strengthen the support for young scientists who conduct interdisciplinary research, and stimulate an open exchange of knowledge about the archaeology of Eurasia, as Ekaterina Devlet always aspired to.

*Mayke Wagner
Scientific Director of Eurasia Department
of the German Archaeological Institute
and Head of Beijing Branch Office*

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА СЕРИИ

Седьмой том серии «Археология в Китае и Восточной Азии» – результат совместного с Институтом археологии Российской академии наук (ИА РАН) производства в рамках проекта «Мода на Шелковом пути», публикация материалов научного семинара и дань памяти другу и коллеге. Профессор Екатерина Георгиевна Дэвлет (16 августа 1965 г. – 23 августа 2018 г.) работала в Москве, но была космополитом в своих научных интересах. Именно она собрала редакторов и авторов этого тома вместе на российско-германском семинаре «Искусство древнего текстиля: Методы изучения, сохранность, реконструкция», который состоялся в Москве в марте 2018 года. Настоящая публикация – знак нашей благодарности и признательности Екатерине за ее вклад в науку и международные связи. Представленные в сборнике авторские статьи – вклад в исследования древних текстильных объектов, представляющих пояс, который простирается от Синьцзяна на северо-западе Китая через южную Сибирь, Поволжье и Центральную Россию до Египта. «Мода на Шелковом пути» – междисциплинарный научно-исследовательский проект в рамках приоритетной программы «Язык объектов» Федерального министерства образования и науки ФРГ. Первоначальной целью проекта было изучение одежды и через нее – культурно-экономических связей, производственных технологий, социальной организации, ресурсов и торговых путей в восточной части Центральной Азии в течение 1-го тысячелетия до нашей эры и 1-го тысячелетия нашей эры. Международный интерес к проекту возрос с открытием старейших известных в мире штанов и связанной с этим публикацией, появившейся в 2014 году. Мне очень приятно, что уникальные текстильные объекты и результаты их комплексного анализа, представленные во время первого российско-германского семинара в Москве, получают доступ к широкому кругу читателей и позволяют расширить исследования в рамках проекта «Мода на Шелковом пути», усилить поддержку молодых ученых, проведение междисциплинарных исследований и открытый обмен знаниями по археологии Евразии, как мечтала Екатерина Дэвлет.

*Майке Вагнер
научный директор Евразийского отделения
Германского археологического института и руководи-
тель Пекинского филиала*

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Настоящий сборник посвящается памяти Екатерины Георгиевны Дэвлет (16 августа 1965 – 23 августа 2018) – известному российскому археологу, ученому секретарю Института археологии РАН, руководителю Центра палеоискусства, доктору исторических наук, профессору РГГУ, лауреату премии И. Е. Забелина (2012), к большому сожалению, слишком рано ушедшей из жизни. Екатерина Дэвлет была прекрасным ученым, крупным специалистом по искусству ранней Мезоамерики, петроглифам и ранним формам искусства Северной Евразии, участником и руководителем многочисленных экспедиций (Мексика, Абхазия, Киргизия, Сибирь, Дальний Восток, Средняя и Центральная Азия). Однако круг ее интересов этим не ограничивался. Она была разносторонним человеком, участвовала в продвижении самых разнообразных проектов, способствовала внедрению инновационных методов исследования памятников археологии, писала статьи и книги, и при всей своей занятости никогда не отказывала в помощи коллегам, находила время для семьи и друзей.

Екатерина Георгиевна Дэвлет (16 августа 1965 – 23 августа 2018)
Ekaterina Georgievna Devlet (August 16, 1965 – August 23, 2018)

Именно по инициативе Екатерины Дэвлет в марте 2018 г. в Институте археологии РАН был организован и с успехом прошел Российско-Германский семинар «Искусство древнего текстиля (методы изучения, сохранность, реконструкция)». В нем приняли участие ведущие специалисты – археологи, историки, искусствоведы, реставраторы, химики из различных городов России: Москвы (ГИМ, МГУ, РГГУ, ВХРНЦ им. ак. И. Э. Грабаря, фонд Марджани), Санкт-Петербурга (Гос. Эрмитаж), Казани (ИА им. А. Халикова РТ), Волгограда (Волго-Донское археологическое общество), Челябинска (ЮУрГГПУ), Барнаула (АГУ), Кемерово (КемГУ), Новгорода (Новгородский музей-заповедник), а также специалисты из Германского археологического института и Свободного университета Берлина.

Семинар, по замыслу организаторов, должен был обеспечить обмен опытом российских и зарубежных коллег в области изучения объектов древнего текстиля, их консервации, реставрации и реконструкции. Представленные доклады дали возможность познакомиться с новейшими методическими разработками по вопросам изучения сырья, технологии изготовления, атрибуции, декора и с реконструкциями ткацких переплетений, кроя и орнаментации. Особо следует упомянуть работы с привлечением естественно-научных методов исследования археологического тек-

стиля, а также исследования древнего костюма по наскальным изображениям. Центральное место в программе форума заняла презентация 45-минутного документального фильма «Изобретение штанов», в котором была представлена история исследования и реконструкции штанов, созданных более 3000 лет назад, а также обсуждены возможные причины возникновения этого уникального предмета одежды, без которого невозможно представить жизнь современного человека.

На семинаре также были затронуты актуальные темы, касающиеся консервации археологического текстиля в полевых условиях, методических вопросов реставрации, а также способов хранения и экспонирования текстиля в музейных коллекциях. В ряде докладов поднимался вопрос повторной реставрации экспонатов, давно хранящихся в фондах музеев, с целью наиболее точного восстановления их первоначального облика на основе тщательного анализа с использованием новейших методов.

Московский семинар вызвал большой резонанс среди исследователей древнего текстиля, интерес к которому постоянно растет, с каждым годом появляются новые находки, совершенствуются методы исследования, консервации и реставрации. Участники семинара единодушно пришли к выводу, что в работе с археологическим текстилем требуется комплекс-

ный подход, объединяющий специалистов разных областей, отметили необходимость обобщения методических наработок прошлых лет, создания единой системы описания предметов и базы данных архео-

логического текстиля. Все участники высоко оценили важность проведенного семинара и высказались в пользу регулярного проведения подобных встреч и публикации докладов в виде сборников статей.

EDITORS PREFACE

This collection of papers is dedicated to Ekaterina Georgievna Devlet (August 16, 1965 – August 23, 2018). A renowned Russian archeologist, scientific secretary of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, head of the Center for Paleo-Art, Doctor of Historical Sciences, Professor at Moscow State Humanitarian University, Zabelin prize laureate (2012), she was still too young, full of ideas and positive energy to die. Ekaterina Devlet was an excellent scholar, a major specialist in petroglyphs and in the early art of Mesoamerica and Northern Eurasia, a member and leader of numerous expeditions to Mexico, Abkhazia, Kyrgyzstan, Siberia, the Asian Far East, and in many regions of Central and Inner Asia. However, her range of interests was not limited to this. She was a versatile person, participated in the promotion of a wide variety of projects, contributed to the introduction of innovative methods of research of archaeological monuments, wrote articles and books, and with all her employment never refused to help colleagues, and could find time for family and friends.

On the initiative of Ekaterina Devlet, the Russian-German Seminar “The Art of Ancient Textiles: Methods of investigation, conservation and reconstruction” was launched and successfully held at the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences in March 2018. This scientific forum brought together leading experts, archaeologists, historians, art historians, restorers, and chemists, representing various Russian museums, universities and research institutions, including the State Historical Museum, Moscow State University, State Humanitarian University, Grabar Art Conservation Center and Mardjani Foundation (all in Moscow), State Hermitage Museum (St. Petersburg), A. Khalikov Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan), Volga-Don Archaeological Society (Volgograd), South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk), Museum of Archeology and Ethnography, Altai State University (Barnaul), Kemerovo State University (Kemerovo), Novgorod Museum-reserve (Novgorod), as well as, from Germany, Freie Universitaet Berlin and the German Archaeological Institute (Berlin).

The meeting, according to the organizers, was to ensure the exchange of experience collected by Russian and foreign colleagues in the field of studying ancient textiles, their conservation, restoration and reconstruction. Presented lectures provided an excellent opportunity to get acquainted with the latest methodological developments on the study of raw materials, manufacturing technology, decor, and with the reconstruction of weaving, cutting and ornamentation of the ancient textile objects.

Special mention should be made of projects involving natural science methods of studying archaeological textiles, as well as the study of the ancient costume in rock art. The highlight of the scientific program was the presentation of the 45-minute documentary “The Invention of Trousers”. The film presented the history of research and reconstruction of trousers, invented more than 3000 years ago, and discussed the possible genesis of this unique piece of clothing, without which it is impossible to imagine our life today. The seminar also touched upon topical issues relating to the conservation of archaeological textiles in the field, methodological issues of restoration, as well as methods of storing and exhibiting textiles in museum collections. A number of reports raised the issue of re-restoration of exhibits long preserved in museum collections, with the aim of most accurately restoring their original appearance based on a

thorough analysis using the most comprehensive methods.

The Moscow seminar caused a great resonance among researchers of ancient textiles, the interest in which is constantly growing, with new finds appearing each year, and methods of research, conservation and restoration constantly improving. The workshop participants unanimously concluded that working with archaeological textiles requires an integrated approach that brings together specialists from different areas, noting the need to summarize the methodological developments of recent years, to create a unified system for describing objects and a database of archaeological textiles. All participants highly appreciated the importance of the seminar and spoke in favor of holding such meetings every year and publishing reports in the form of collections of peer-reviewed articles.

И. Р. Ахмедов, И. В. Белоцерковская,
А. А. Мамонова

ОБ ОДНОМ ТИПЕ ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ РЯЗАНСКИХ ФИННОВ В III–V ВВ.

Ансамбль женского убора является одним из наиболее важных этнографических и социально-возрастных индикаторов для всех традиционных обществ. Особенно ярко это прослеживается в женском костюме как древних, так и современных поволжских финнов. Уже в первых описаниях народов Поволжья женскому костюму уделялось особое внимание (*Pallas*, 1773–1775; *Георги*, 1799). Позже изучение традиционного костюма населения Среднего Поволжья стало одним из наиболее важных направлений в этнографических исследованиях (*Спрыгина*, 1929; *Гаген-Торн*, 1960; *Белицер*, 1973).

Древний костюм поволжских финнов может быть изучен только по археологическим источникам, специфика которых обуславливает сложность решения проблем по реконструкции облика костюма и его эволюции во времени.

До недавнего времени наиболее изученным считался костюм из раскопанных широкими площадями памятников среднеднепровской группы мордвы VIII–IX вв. Его анализ содержится в работах Р. Ф. Ворониной и В. Н. Мартыанова (*Воронина*, 1973. С. 47–55; 1974. С. 36–40; *Мартыанов*, 1976. С. 88–106). Отдельные вопросы истории костюма рязано-окских финнов и попытки его реконструкции рассматривались в работах Н. В. Трубниковой, Т. А. Кравченко (*Трубникова*, 1982, *Кравченко*, 1974).¹

Первые комплексные исследования тканей из могильника Никитино из раскопок Р. Ф. Ворониной опубликованы в издании материалов работ 1977–1978 гг. (*Воронина и др.*, 2005).

Н. В. Трубникова в материалах женских погребений Кошибеевского могильника выделила четыре группы головных уборов: уборы с косниками II–III вв.; шапочки II–III вв.; венчики различных типов II–IV вв.; сложные уборы III–IV вв. Отмечая в неко-

¹ Во время написания этой статьи М. С. Королевой была защищена диссертационная работа, посвященная археологическому текстилю и коже из древнемордовских памятников I – начала II тыс., которая пока осталась недоступной авторам. (*Королева*, 2018)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Ахмедов Илья Рафаэлевич, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, e-mail: i_akhmedov@mail.ru; Белоцерковская Ираида Васильевна, Государственный исторический музей, Москва, e-mail: beloc-irina@yandex.ru; Мамонова Анна Андреевна, Государственный исторический музей, Москва, e-mail: mcmice@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рязано-окские финны, женский костюм, головные уборы, текстиль, технология, конструкция, хронология, культурные взаимодействия.

торых случаях возможные варианты кроя, конструкции, характера тканей, она рассматривала отдельные составляющие металлического декора, который и послужил основанием для датирования погребальных комплексов и типов выделенных ею головных уборов. В работе отсутствуют варианты реконструкций этих уборов, автор ограничился публикацией рисунков наиболее сохранившихся экземпляров из погребений 24, 33 (раскопки В. Н. Глазова) и погребения 12 (раскопки А. А. Спицына).

Практически все сложные уборы, описанные Н. В. Трубниковой, относятся к ранней фазе рязанских древностей и датируются в рамках II – первой половины III в., поэтому приведенные автором многочисленные этнографические параллели в костюме мордвы в настоящий момент представляют лишь историографический интерес (*Трубникова*, 1982. С. 43–47. Рис. 4, 6, 13).

В публикации Т. А. Кравченко материалов раскопок Шатрищенского могильника в 1966–1969 гг. содержится опыт реконструкций костюма рязанских женщин, основанный на полевых наблюдениях автора. Во всех случаях детали костюма и виды головных уборов реконструированы по местонахождению металлических украшений. Исследовательница разделила головные уборы на две основных группы, связав их со статусом погребенных – головные венчики и шапочки. В одном случае (погребение 126) описан головной убор – по определению автора, «сорока», отличительной особенностью которой является длинная, свешивающаяся на спину лопасть, украшенная металлическими деталями или бахромой. По мнению Т. А. Кравченко, для головных уборов использовались кожа или шерстяная ткань (*Кравченко*, 1974. С. 132, 133, 136–140. Рис. 12, 16).

Р. Ф. Воронина выделила два основных набора металлических деталей декора женского костюма для 15 погребений Никитинского могильника, характерных для разных возрастных групп. Найденные в семи захоронениях остатки головных уборов, по ее мнению, представляли собой покрывала с венчиками, различавшиеся набором металлических украшений; в одном случае на покрывале реконструирована шаль или головной платок (*Воронина и др.*, 2005. С. 92, 93. Рис. 53–55).

Весьма важны наблюдения А. К. Елкиной, И. И. Елкиной и О. В. Орфинской о составе тканей из этих погребений, содержащиеся в приложении 4 публикации материалов Никитинского могильника из раскопок Р. Ф. Ворониной. Впервые для рязанских древностей был проведен квалифицированный анализ технологии и материалов остатков текстиля. Были обработаны 99 образцов тканей, кожи,

меха, органических остатков, из которых 74 изучены О. В. Орфинской. В результате была выявлена многослойность одежды, уточнен крой некоторых деталей костюма, установлено, что основным материалом для изготовления одежды являлись шерстяные ткани различных типов переплетения; выявлены технологические параметры использованного для их производства сырья, установлено, что для шитья использовались шерстяные нитки. Для некоторых образцов выявлена вероятная цветовая гамма изделий (*Елкина, Елкина*, 2005. С. 141–146, *Орфинская*, 2005. С. 147–156).

Раскопки В. Н. Шитовым Шокшинского могильника, И. В. Белоцерковской и И. Р. Ахмедовым могильника Кораблино, И. В. Белоцерковской могильника Заречье дали новые материалы, которые вкпе с данными более ранних полевых исследований предоставили новые возможности для изучения женского костюма рязанских финнов. Первые результаты этой работы были представлены на 3-й конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов» в Туле в 2010 г. Новые материалы из раскопок Н. А. Мясникова Сендимиркинского могильника в Чувашии, оставленного нижнесурской группой древней мордвы, родственной рязанским финнам, подтвердили ранее выдвинутые предположения (*Мясников и др.*, 2018) и позволили продолжить эту работу на современном уровне. Результаты ее были апробированы на двух международных научных конференциях: 27-я Генеральная ассамблея и конгресс СИЕТА в Эрмитаже (2017) и Российско-Германский семинар «Искусство древнего текстиля (методы изучения, сохранность, реконструкция)» в Институте археологии РАН (2018).

Находки хорошо сохранившихся остатков ткани в погребениях Никитинского могильника позволили авторам выстроить алгоритм работы по исследованию древнего текстиля и костюмного комплекса, начиная с момента расчистки захоронений в процессе полевых исследований до создания реконструкций. Он основан на опыте полевых наблюдений авторов при исследовании погребальных памятников рязанских финнов (Кораблино, Заречье 4, Никитино), а также на опыте изучения текстиля такими специалистами, как В. П. Голиков, О. В. Орфинская, А. К. Елкина, И. И. Елкина, О. Б. Лантратова и успешно применен при изучении материалов более ранних исследований, хранящихся в музейных коллекциях Государственного исторического музея, Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, Государственного Эрмитажа, Шиловского районного краеведческого музея, а также материалов иссле-

дований Н. А. Мясникова на Сендими́ркинском могильнике.²

Были поставлены и выполнены следующие задачи исследования:

- разбор материала и выделение из него отдельных фрагментов;
- выделение образцов (в зависимости от состава фрагментов);
- определение природы текстильных волокон;
- определение методики изготовления тех или иных текстильных изделий;
- выявление следов крашения и определение красителей, в тех случаях когда это позволяет состояние образцов;
- формирование базы данных по теме и поиск аналогий;
- обобщение полученной информации.

В процессе реализации этих задач были использованы следующие методы исследования

- Оптическая микроскопия в отраженном неполяризованном свете (МБС-10, увеличение 2,4–32х или Hund Willoscope ув. 6,7–40х).
- Оптическая микроскопия в проходящем поляризованном свете (Полам Р-211 400х или Olympus BX51 100–400х).

Этапы работы:

- Производилась предварительная фотофиксация каждого фрагмента с двух сторон.
- В случае, если объект представлял собой группу фрагментов или конгломерат из нескольких фрагментов или материалов, он послойно разбирался (если это было возможно) с фотофиксацией в процессе разбора для выявления не видимых, на первый взгляд, частей. Отбор образцов производился под микроскопом или при помощи текстильной лупы.
- Для каждого фрагмента при помощи микроскопа производились замеры технических параме-

тров, определялась технология изготовления, составлялось описание по визуальным наблюдениям. Результаты наблюдений фиксировались в таблицах.

– Отбирались образцы для дальнейшего изучения, подготавливались постоянные иммерсионные препараты в пихтовом бальзаме.

– Методом микроскопии в проходящем поляризованном свете определялась природа волокна, его состояние и наличие крашения. Производилась микросъемка образца.

– При наличии показаний приготавливался экстракт красителя в Диметилформамиде (ДМФА).

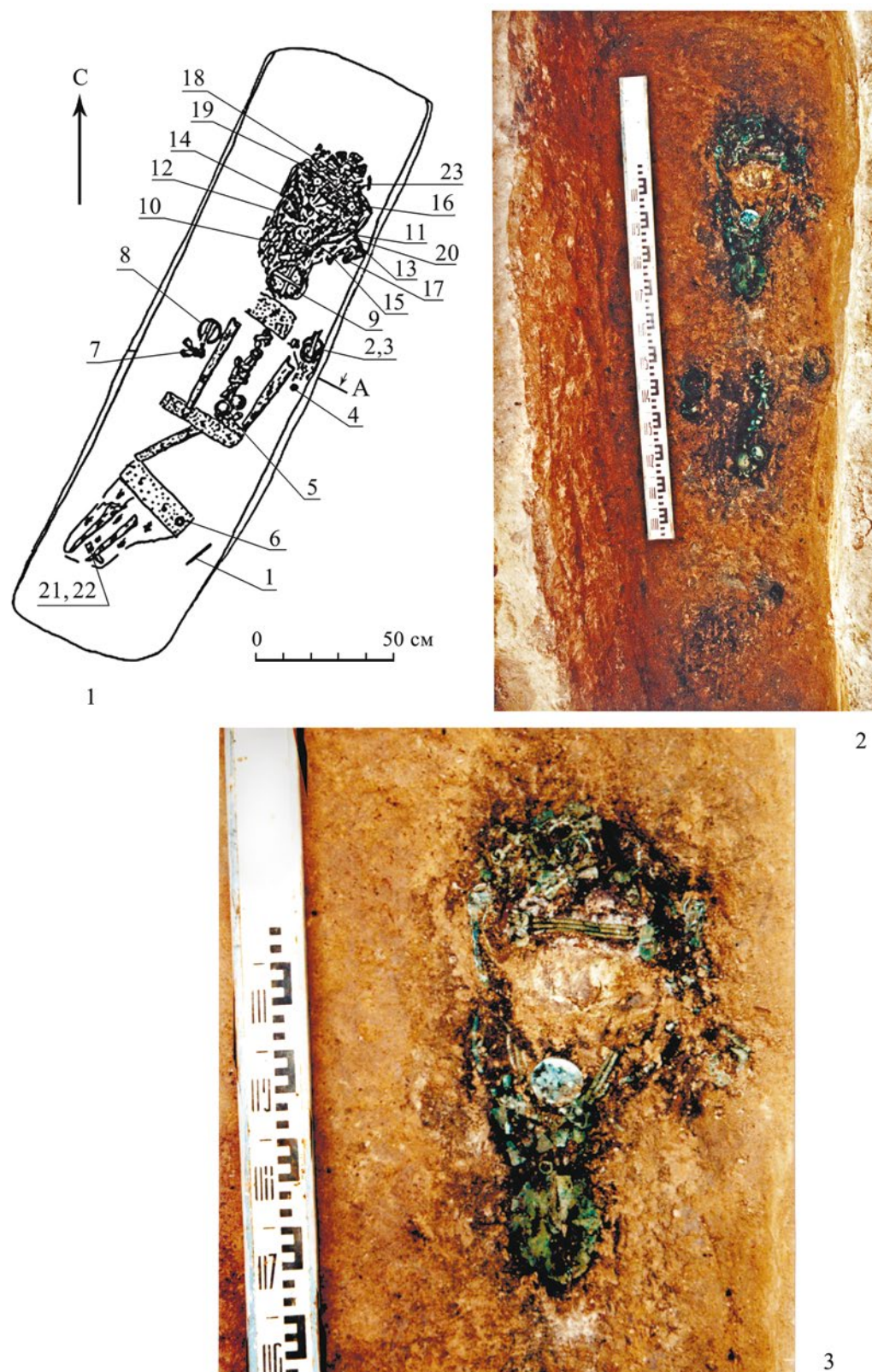
– Обобщение результатов, создание схем и графических реконструкций.³

Отправной точкой для начала исследований стала находка женского погребения 80, изученного в процессе полевых исследований Рязано-Окской археологической экспедиции ГИМ на Никитинском могильнике в 2001 г. (Ахмедов, 2001). Погребенная по обряду ингумации на спине, головой на СВ, молодая женщина была положена на подстилку из древесного луба и была укрыта таким же лубом сверху (рис. 1: 1, 2). На черепе и вокруг него располагалось большое количество бронзовых предметов, входивших в состав головного убора и шейных и нагрудных украшений (рис. 1: 2; 2: 1, 2). Головной убор (нах. 18) состоял из шерстяной ткани простого полотняного переплетения, в момент расчистки имевшей коричневый цвет. На верхней части убора располагалась бронзовая ажурная лопастная застежка с коленчатыми звеньями, на которых находились бутыльчатые подвески (рис. 3: 1). Вокруг застежки шла обшивка из двойных рядов бронзовых спиральных пронизей на кожаных ремешках, с нашитыми между зонами пронизей круглыми умбоновидными пластинчатыми бляшками (рис. 3: 2). В затылочной части эти пронизи переходили в зону пластинчатых прямоугольных рифленых подвесок с жемчужным орнаментом (около 12 экземпляров, часть фрагментирована), в центре которых лицевой частью наружу помещалась пластинчатая бляха с отверстием (рис. 3: 4). Все они крепились на широкой матерчатой ленте. На голове также находился наборный венчик (нах. 16), состоявший из ремня, разрезанного на три части вдоль, на разрезанных полосках на низаны спиральные бронзовые пронизи, разделенные пластинчатыми обоймами, с сердцевидными петельками-подвесками. Под венчиком сохранился

² Авторы выражают искреннюю благодарность Ю. В. Лошиной (Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник) и А. П. Гаврилову (Шилковский районный музей) за их дружескую помощь при работе с музейными коллекциями, Н. А. Дулебовой (Государственный исторический музей) за помощь в воплощении графических реконструкций. Также с особой благодарностью мы вспоминаем, к сожалению, уже ушедших: З. А. Львову, гостеприимно принимавшую нас в отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, и В. Н. Шитова, передавшего в Государственный исторический музей материалы двух последних сезонов раскопок Шокшинского могильника и предоставившего для публикации изображения комплексов погребений 703 и 772 – из более ранних по времени исследований этого памятника.

³ Объем статьи не позволяет привести все сведения и иллюстративные материалы, полученные при работе с образцами. Они будут приведены в обобщающей работе, находящейся в процессе подготовки.

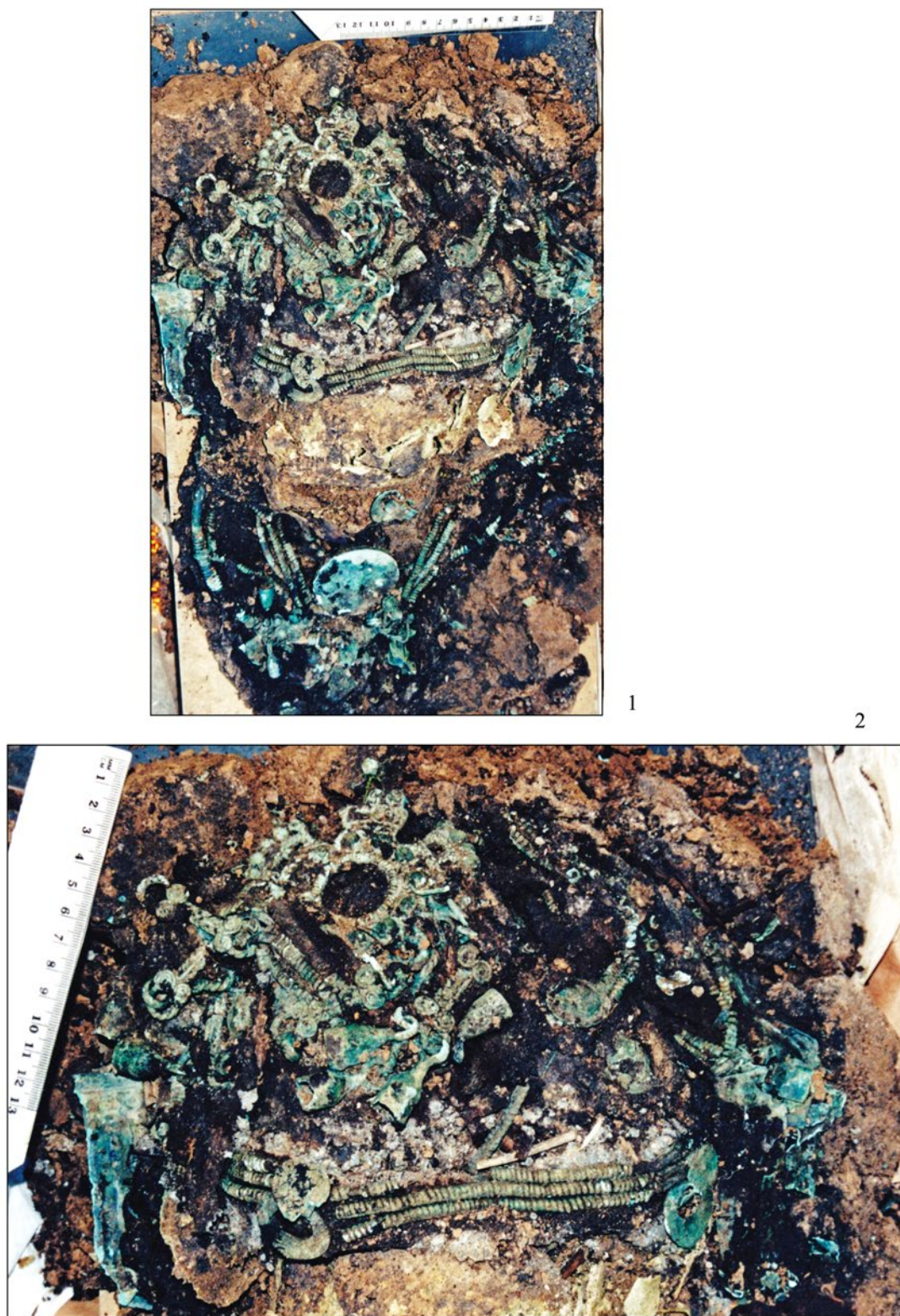

Рис. 1. Погребение 80 Никитинского могильника:
1 – полевой чертеж; 2 – фото остатков одежды в по-
гребении; 3 – фото головного убора *in situ*

Fig. 1. Burial 80 of the Nikitinskii burial ground: 1 – field
drawing; 2 – photo of the clothing remnants in the burial;
3 – photo of the headdress *in situ*

Рис. 2. Погребение 80 Никитинского могильника. Головной убор перед разбором в камеральных условиях:
1 – общий вид; 2 – лицевая часть головного убора

Fig. 2. The headdress from the burial 80 of the Nikitinskii burial ground before the analysis in the laboratory:
1 – general view; 2 – the front part of the headdress

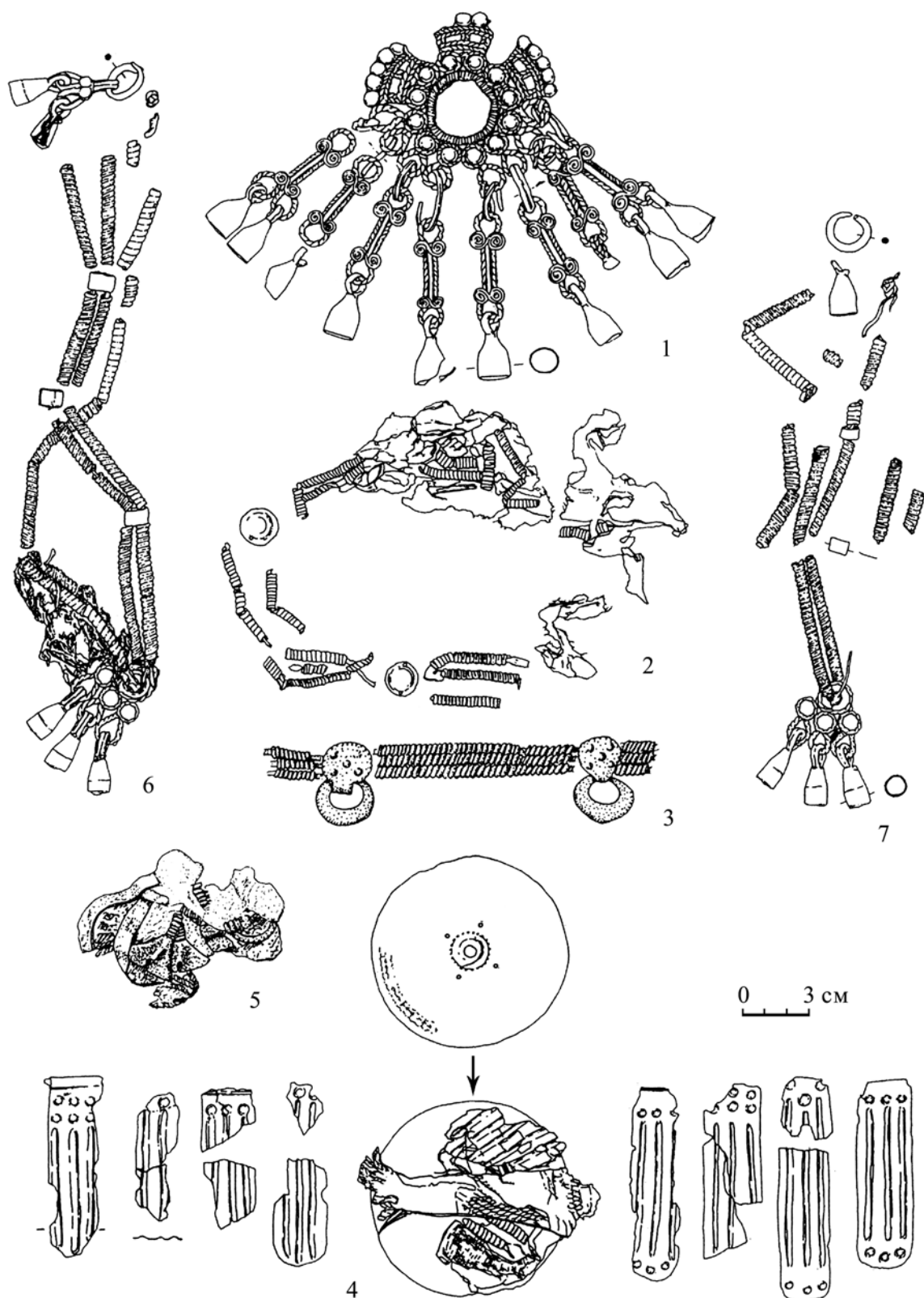

Рис. 3.

Рис. 3. Составляющие металлического декора головного убора из п. 80 Никитинского могильника: 1 – ажурная бляха; 2 – обшивка головного убора; 3 – налобный венчик; 4 – бляха и подвески затылочной части; 5 – затылочная кисть; 6, 7 – накосники (бронза, кожа, текстиль)

край ткани головного убора, обшитый оловянистым бисером, следы которого хорошо читались, в виде полосы шириной около 2,2 см, образованной крупными, диаметром около 0,6–0,7 см, круглыми полусферическими бляшками, нашитыми в три (?) ряда (рис. 3: 3). У височных костей черепа находились кольца-крепления накосников обычной для рязано-окского населения схемы, с ажурными подвесками с бутыльчатыми привесками на концах (нах. 14, 15) (рис. 3: 6, 7). У правого виска, рядом с кольцом для крепления накосника и полосой из пластинчатых подвесок, располагалась височная бронзовая подвеска с бутыльчатыми привесками (нах. 19) (рис. 3: 6). Фрагменты аналогичной подвески располагались с другой стороны от пластинчатых привесок, в области левой части черепа (нах. 23). От затылочной бляхи вниз опускалась матерчатая лента, на конце которой находились бронзовые пронизи и коробчатые привески – затылочная кисть (нах. 20) (рис. 3: 5). Рядом с подвесками находилась пластинчатая застежка-сюльгама (нах. 17). На шее погребенной располагались две бронзовые гривны (нах. 11, 12), ожерелье из бус и бисера красного глухого стекла (нах. 13), а также фрагменты ткани ворота с трапецевидными подвесками (нах. 10), лежавшими в ряд, ниже замка одной из гривен поперек полосой шириной около 6 см и длиной около 15 см (рис. 4).

Остальные детали декора костюма в рамках данной работы могут быть описаны лишь суммарно. На груди находилась бронзовая пластинчатая бляха с «перекрестьем», под которой сохранились фрагменты ткани со следами вышивки оловянистым бисером, возможно, декор разреза одежды или верхняя часть нагрудника, прослеженного в нижней части груди погребенной в виде прямоугольного пятна из остатков бисерной вышивки, размерами 18 × 10 см. От его нижнего края отходили концы пояса в виде ленты. Лента из красной шерсти полотняного переплетения шириной около 5 см сшита по длине в «трубочку» шерстяной нитью через край. Концы заканчиваются двойным подгибом чуть короче нижнего края бронзовых привесок (подшит шерстяной нитью через край). Лента украшена умбоновидными литыми бляшками с подвесками, крепившимися к ленте при помощи кожаных ремешков, протыкаю-

Fig. 3. Components of the headdress's metal decoration from the burial 80 of the Nikitinskii burial ground. Material: bronze, leather, textiles

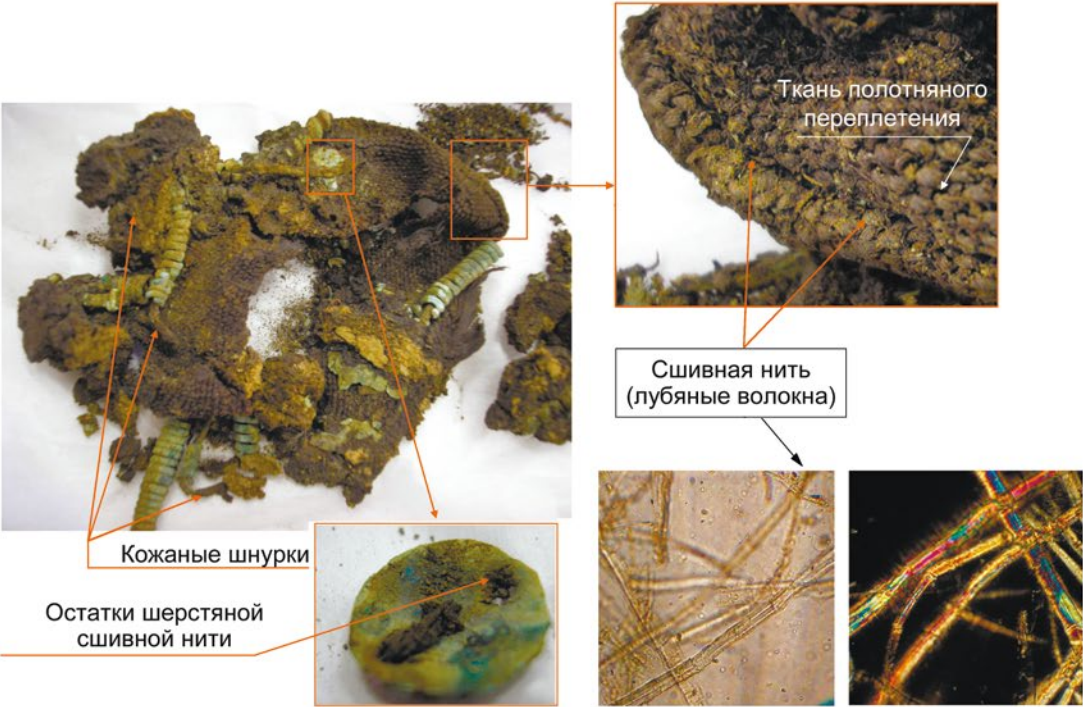
щих ее и завязанных двойным узлом, на концах пояс украшен крупными бляхами с подвесками (нах. 5). У нижнего конца пояса на тлене от длинных костей бедер ног сохранилась прямоугольная полоса вышивки оловянистым бисером, лежавшая поперек ямы. От середины этого пятна в сторону ног прослеживались следы вышивки бисером. Ее нижний конец соприкасался с правым углом прямоугольного пятна вышивки подола (верхней одежды?), лежавшего поперек ямы. В левой части этого пятна лежала бронзовая пластинчатая застежка-сюльгама. Рядом было найдено железное шило, лежавшее острием в сторону головы погребенной.⁴ На руках погребенной были надеты бронзовые браслеты и спиральные перстни. В области голеней (?) располагались распавшиеся обувные бронзовые пряжки с длинными пластинчатыми обоймами, а также фрагмент бронзовой спиральной пронизки (рис. 1: 1).

Обилие бронзовых украшений способствовало консервации тканей, особенно в остатках головного убора, что позволило изучить его конструкцию и сохранившиеся части тканей.

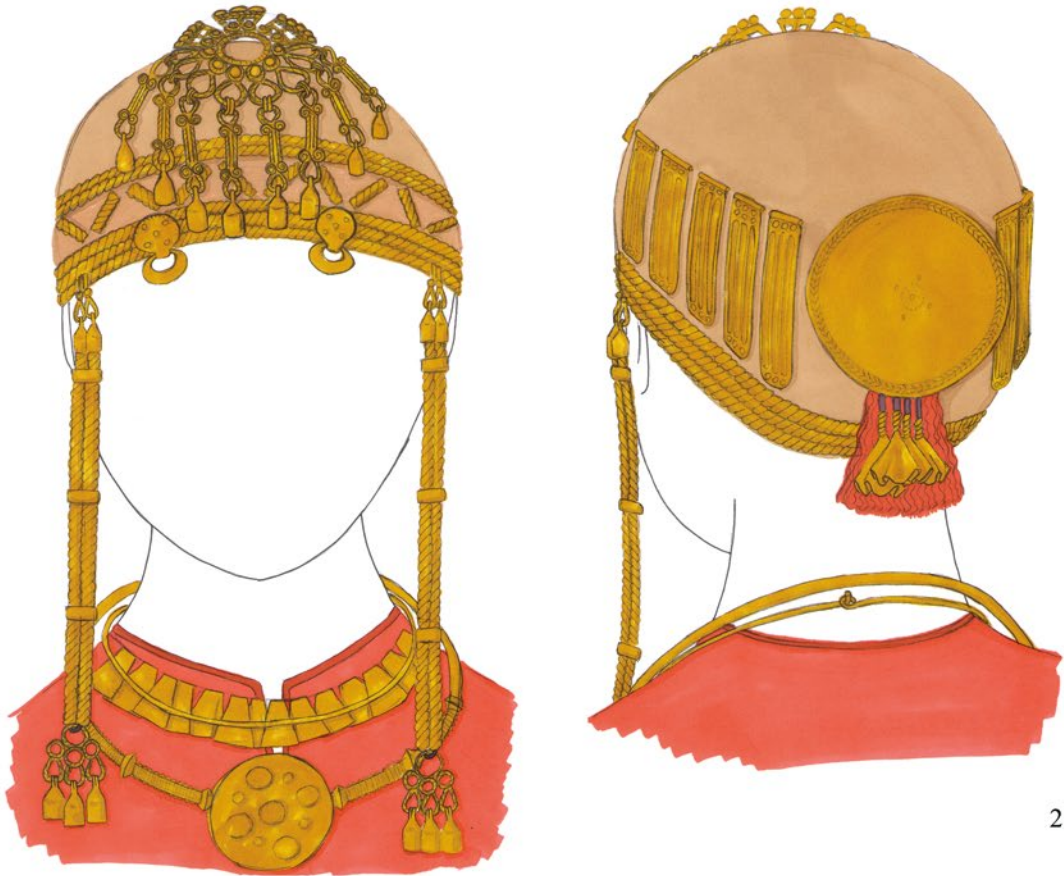
Он состоял из венчика и тканевой так называемой «шапочки», украшенной бронзовыми нашитыми деталями. Ткань полотняного переплетения (1: 1), шерстяная, коричневого цвета, плотностью 20 × 8 н/см. По нижнему краю сохранился шов подгибки шириной около 0,5 см. Шов выполнен лубяной неокрашенной нитью второго порядка толщиной 1 мм S-крутки с шагом 1,75 мм (из 2 нитей I порядка толщиной 0,3 мм Z-крутки с шагом 1,25 мм). Металлические детали головного убора крепились к тканой основе кожаными тонкими шнурками. Некоторые (небольшие бляшечки) были пришиты шерстяной коричневой нитью II порядка слабой S-крутки толщиной 0,9 мм (из 2-х нитей I порядка толщиной 0,4 мм Z-крутки, шаг определить не удалось) (рис. 4: 1).

По результатам исследования текстильного материала была сделана цветная графическая реконструкция головного убора погребенной (рис. 4: 2).

⁴ Эта деталь обряда – шило в ногах или в головах погребенных женщин – часто встречается в погребениях рязанских финнов.

1

2

Рис. 4.

Рис. 4. Исследование текстиля в составе головного убора из п. 80 Никитинского могильника: 1 – изучение текстильных материалов шапочки головного убора, макросъемка фрагмента и микрофотографии волокон лубяной нити в проходящем поляризованном свете; 2 – реконструкция вида головного убора и украшений шеи по материалам
(графика – А. А. Мамонова, Н. А. Биркина)

Остатки костюма погребенной демонстрируют репрезентативный ансамбль женской одежды, использовавшийся в наиболее важные моменты жизни женщины и связанный с особыми событиями, как, например, ритуалы перехода, к которым относятся свадьба и проводы в мир мертвых.

Остатки такого репрезентативного ансамбля были также найдены в богатом женском захоронении 69 Кузьминского могильника, изученном А. И. Черепнинным, часть комплекса которого хранится в собрании отдела археологических памятников Государственного исторического музея (Раскопки Рязанской губернской ученой архивной комиссии 1894–1895 гг.) (*Спицын*, 1901. С. 87, 98, 99. Табл. XVI: 3; XVIII: 6, 7; XIX: 10, 11; XXII: 9, 11, 15; XXIII: 8, 16).

Кроме сложного головного убора в состав комплекса входили шесть гривен различных типов, нагрудная круглая пластинчатая бляха, множество застежек, спиральные браслеты в 15 оборотов каждый, кожаные обувные ремни с наборами, состоящими из пряжек с длинными обоймами, круглых блях, пяти обойм с подвесками и аналогичных им по конструкции, но более длинных наконечников ремней с подвесками. Все детали изготовлены в одном стиле, с применением фасетирования и треугольных углублений по краям, чеканки и гравировки. В составе коллекции также есть остатки текстиля – фрагменты рукавов, сохранившихся внутри спиральных браслетов.

Головной убор сохранился не полностью, только в тех местах, где было особенно много бронзовых элементов (утрачена лобная часть). Он, как и в погребении 80, состоит из венчика и так называемой «шапочки» (рис. 5: 1, 2).

Основная ткань головного убора светло-коричневого цвета, полотняного переплетения, плотностью 22×8 н/см². Сзади она сшита швом «через край», оба края полотна подвернуты вовнутрь. Изучить сшивную нить, не повреждая закрепленный на планшете предмет, не представляется возможным. По нижнему краю на эту ткань нашита швом «через край» синей шерстяной нитью коричневая (чуть темнее) тесьма полотняного переплетения ши-

Fig. 4. Textiles of the headdress from the burial 80 of the Nikitinskii burial ground: 1 – macrophotography of the cap-fragment and microphotography of bast-threads (in polarized light); 2 – reconstruction of the headdress and of the neck ornaments
(drawings by A. A. Mamonova and N. A. Birkina)

риной 4,6 см (плотность 19×7 н/см²). Экстракция в ДМФА подтвердила наличие индиго в обеих пробах. На тесьму при помощи кожаного шнура нашиты металлические пронизи, образующие орнамент из треугольников. Края тесьмы на затылке подвернуты вниз, немного не доходя до затылочного шва на «шапочке». Нить, которой нашита тесьма, шерстяная, зеленовато-коричневого цвета, окрашена с применением индиго (по результатам экстракции в ДМФА). Нить II порядка S-крутки с шагом 1,5 мм толщиной 0,8 мм свита из двух нитей I порядка Z-крутки с шагом 1,7 мм толщиной 0,6 мм.

Ниже «шапочки» располагался «шарф» из шерстяной сетки, выполненной в технологии плетения (англ. *sprang*), шириной около 9 см из 108 нитей. Поскольку этот вид плетения образует эластичное по ширине полотно, говорить о его измерениях можно только условно. На «шарфе» находился венчик, зафиксированный на затылке за кожаные ремешки при помощи металлических застежек-сюльгам (рис. 7: 3).

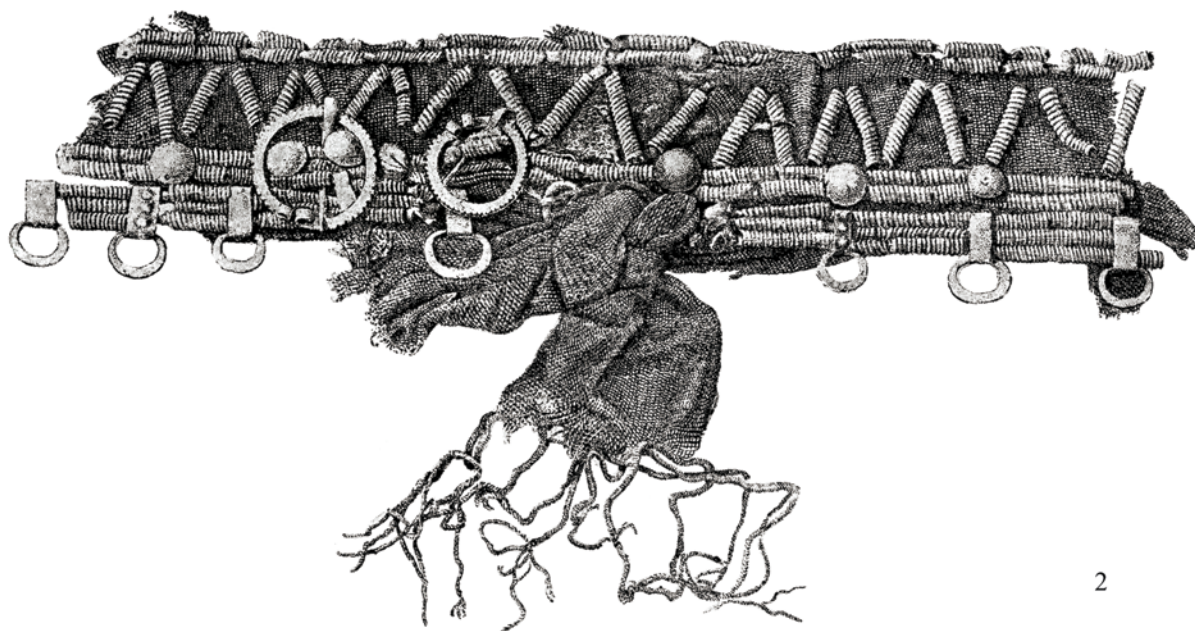
Длина «шарфа» составляла примерно (передняя часть не сохранилась) 70–75 см без кистей. На затылке «шарф» завязывался узлом (рис. 6). Концы (18 см от узла до конца; 6,5 см – сетчатая часть) оформлены бахромой: 9 нитей сетки перевивались против часовой стрелки по три. Из полученных шнурков плелась «косичка» длиной 5,5 см, заканчивающаяся кистью из распущенных на три нити шнурков длиной 6 см с узелками на концах (рис. 6).

«Шарф» был выкрашен в красный цвет. На его концах, ниже узла, видны более темные полосы шириной около 2 см. Такие же полосы проходят по косичкам на бахроме. В пробах с этих участков был идентифицирован индиго (посредством экстракции в ДМФА). Возможно, полосы были нанесены на уже окрашенный фон кистью. Но более вероятно, что часть уже окрашенной в красный цвет сетки была покрыта резервирующим составом, после чего весь шарф погружался в синюю краску. Таким образом, смешивая индиго с красным красителем, достигали фиолетового (имитация пурпурного?) цвета ткани. Многочисленные археологические

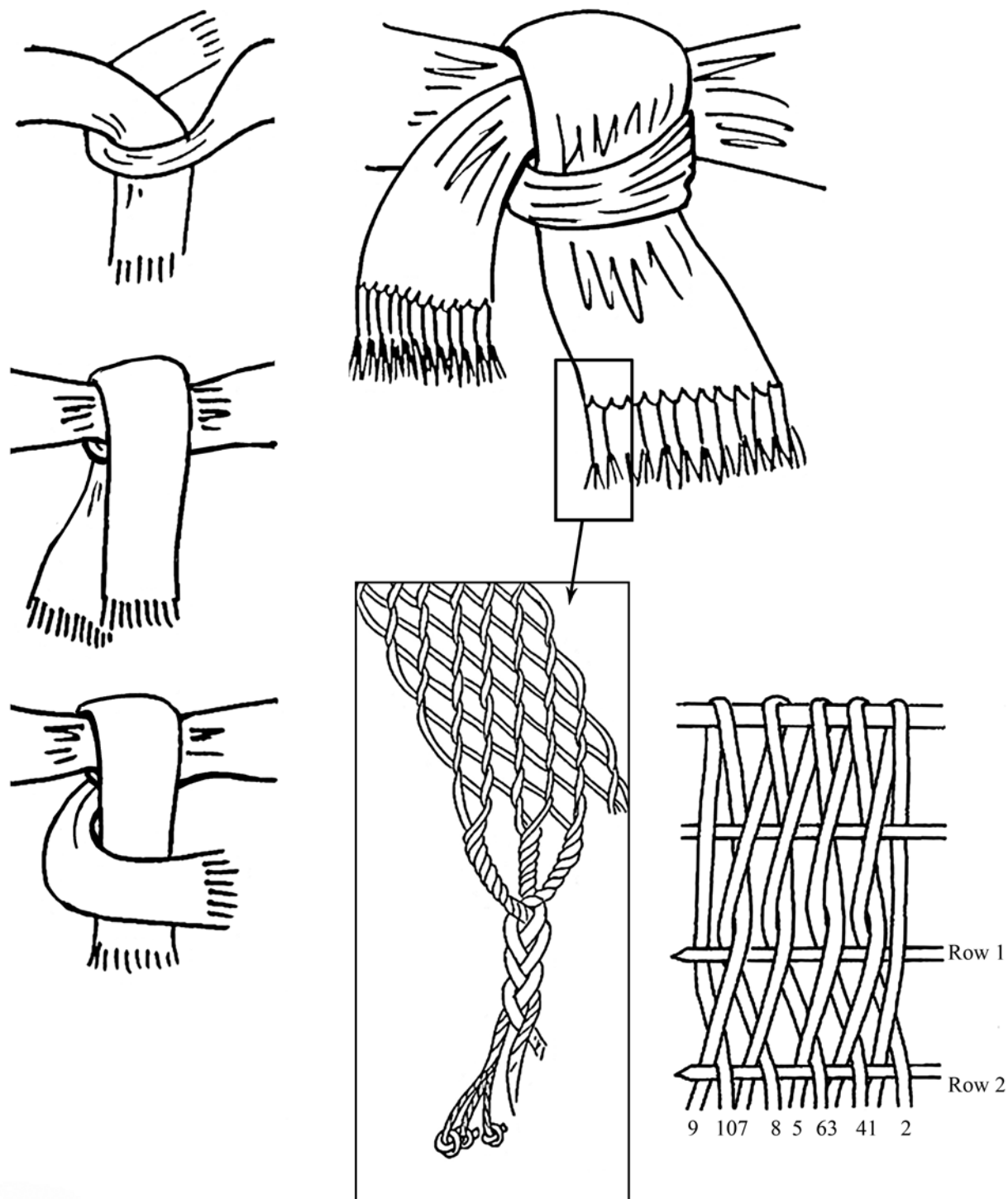
1

2

Рис. 5. Остатки головного убора из женского погребения 69 Кузьминского могильника: 1 – фото современного состояния убора; 2 – прорисовка убора по А. А. Спицыну (1901)

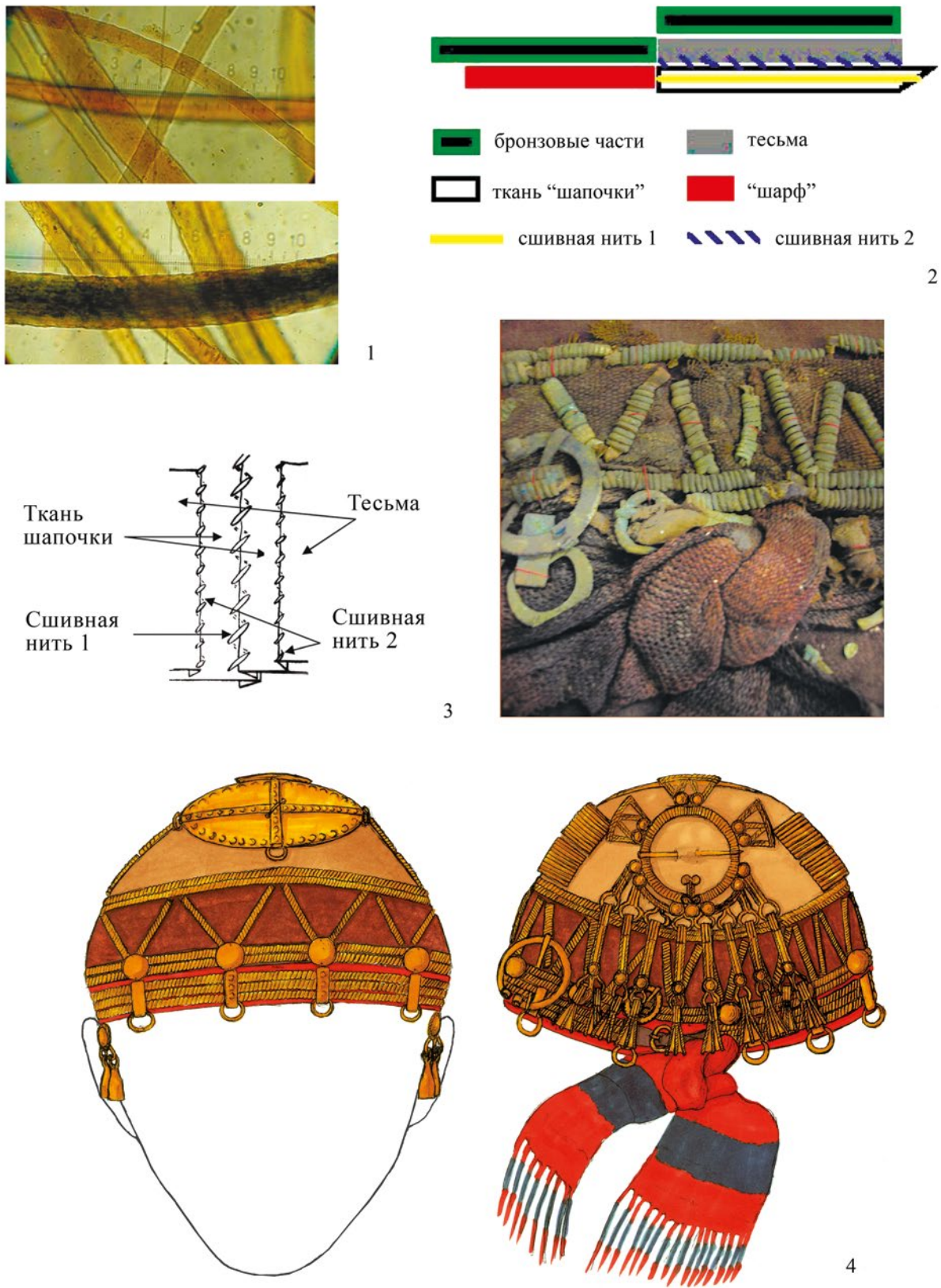
Fig. 5. Remnants of the headdress from the female burial 69 of the Kuzminskii burial ground: 1 – photo of the current state; 2 – drawing by A.A. Spitsyn (1901)

Рис. 6. «Шарф» из состава головного убора погребения 69 Кузьминского могильника. Схема плетения «шарфа» и схема завязывания его узлом на затылке (графика – А. А. Мамонова)

Fig. 6. “Scarf” from the headdress of the burial 69, the Kuzminskii burial ground. Schematic presentations of the interlinking technique and of making a knot on the back head (graphics by A. A. Mamonova)

Рис. 7. Исследование текстиля в составе головного убора из п. 69 Кузьминского могильника: 1 – микрофотографии волокон шерсти в проходящем поляризованном свете; 2 – схема расположения слоев различных частей головного убора относительно друг друга; 3 – схема затылочного шва и макрофотография затылочной части; 4 – реконструкция внешнего вида головного убора по материалам погребения (графика – И. Р. Ахмедов, А. А. Мамонова)

находки текстильных изделий в такой сетчатой технике демонстрируют широкий ассортимент вариантов продольного декора полотна, что обусловлено технологией. Пока нам не удалось найти среди них ни одного примера поперечных полос. Техника *sprang* была известна с древнейших времен, но этот «шарф» – пока единственная такая находка для данного региона.

Сырье, использованное для изготовления шарфа, значительно качественнее в сравнении с другими шерстяными изделиями этого погребения. Волоски очень тонкие, однородной толщины.

В нескольких местах на головном уборе были обнаружены остатки тонкой ткани, выполненной из сырья растительного происхождения. Структура этой ткани не читается.

Используя полученные в результате изучения материалы, удалось сделать графическую реконструкцию данного вида головного убора (рис. 7).

Остатки еще одного близкого по конструкции головного убора были обнаружены в мужском погребении 3 Гавердовского могильника конца IV – начала V в. (раскопки П. П. Ефименко, 1920 год; фонды Рязанского государственного историко-архитектурного музея-заповедника) (Ефименко, 1975. Рис. 7, 8, 9). Он располагался вместе с комплексом женских украшений, видимо, в качестве посмертного дара в берестяном теске, помещенном в захоронение. При разборе содержимого теска П. П. Ефименко были сделаны подробные зарисовки находок (рис. 8).

Остатки головного убора сохранились в многочисленных фрагментах. Основная часть его состояла из «шапочки», сшитой из полотняной шерстяной ткани плотностью 22×10 н/см², окрашенной индиго (экстракция в ДМФА). На нее нашита красная лента шириной 5 см, полотняного переплетения, плотностью 12×8 н/см². Нить, пришивающая ленту к ткани, – шерстяная, красновато-коричневого цвета. Более подробно изучить ее невозможно ввиду плохой сохранности материала.

Поверх ленты, нашитой на ткань, в затылочной части зигзагом, обрамленным двумя горизонталь-

Fig. 7. Details of the headdress of the burial 69 from the Kuzminskii burial ground: 1 – microphotographs of wool fibers in polarized light; 2 – scheme of the different layers of the headdress and how they relate to each other; 3 – the scheme of the back head seam and the photograph of the back part of the cap; 4 – reconstruction of the headdress (graphics by I. R. Akhmedov, A. A. Mamonova)

ными рядами (каждый ряд пронизей заканчивается маленькой выпуклой бляшечкой), были пришиты сверху и снизу бронзовые пронизи, нанизанные на кожаные шнурки. Нить, пришивающая горизонтальные ряды, проходит между витками металла, захватывая шнурок «в прикреп». Нить изготовлена из шерсти темного красно-коричневого цвета, она II порядка S-крутки с шагом 2,4 мм толщиной 0,8–1,16 мм, свита из двух нитей I порядка Z-крутки с шагом 1 мм толщиной 0,2–0,6 мм.

Диагональные пронизи, образующие рисунок внутри полосы, крепятся к головному убору непосредственно кожаным шнурком, который протыкает все слои ткани (рис. 9).

Спереди головной убор украшен нашитыми парно «в прикреп» вертикальными рядами бронзовых пронизей, выступающих за ленту вверх. Пронизи нанизаны на кожаный ремешок и пришиты лубяной нитью, перевивающей пару пронизей.

К головному убору можно отнести и накладные косы (рис. 9: 1). Они сохранились в двух фрагментах, перегнутых пополам. Можно предположить, что они имитировали прическу, когда две косы заплетены у висков и уложены на затылке навстречу друг другу. В пользу этой гипотезы говорит аналогичная находка, хранящаяся в Шиловском музее, только там косы не накладные, а заплетены из настоящих волос с подплетением шерстяных нитей на утончающихся концах для сохранения равномерной толщины.

Косы из погребения 3 могильника Гавердово сплетены из полос шерстяной ткани полотняного переплетения, окрашенной с применением индиго (ДМФА). Визуально они выглядят очень темными, почти черными, однако в процессе микроскопии выяснилось, что нити окрашены очень неравномерно. Снаружи волокна очень яркого сине-зеленого цвета, тогда как внутри нити они бежевые, некоторые без следов окрашивания. Исходя из этого, можно предположить, что ткань, из которой сплетены косы, была окрашена уже после изготовления, а не в сырье. В связи с плохой сохранностью материала и сильной деформацией удалось установить лишь

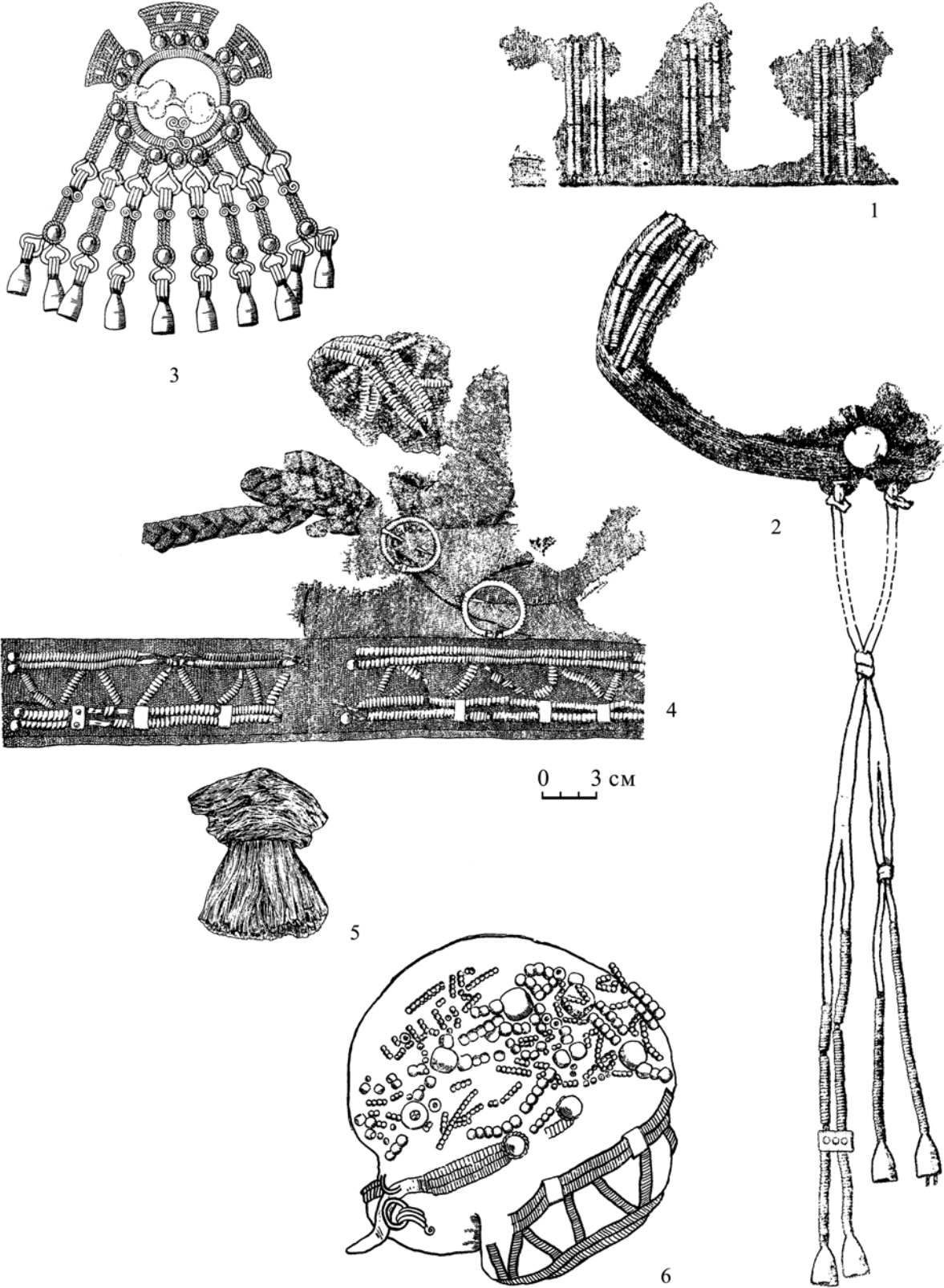

Рис. 8.

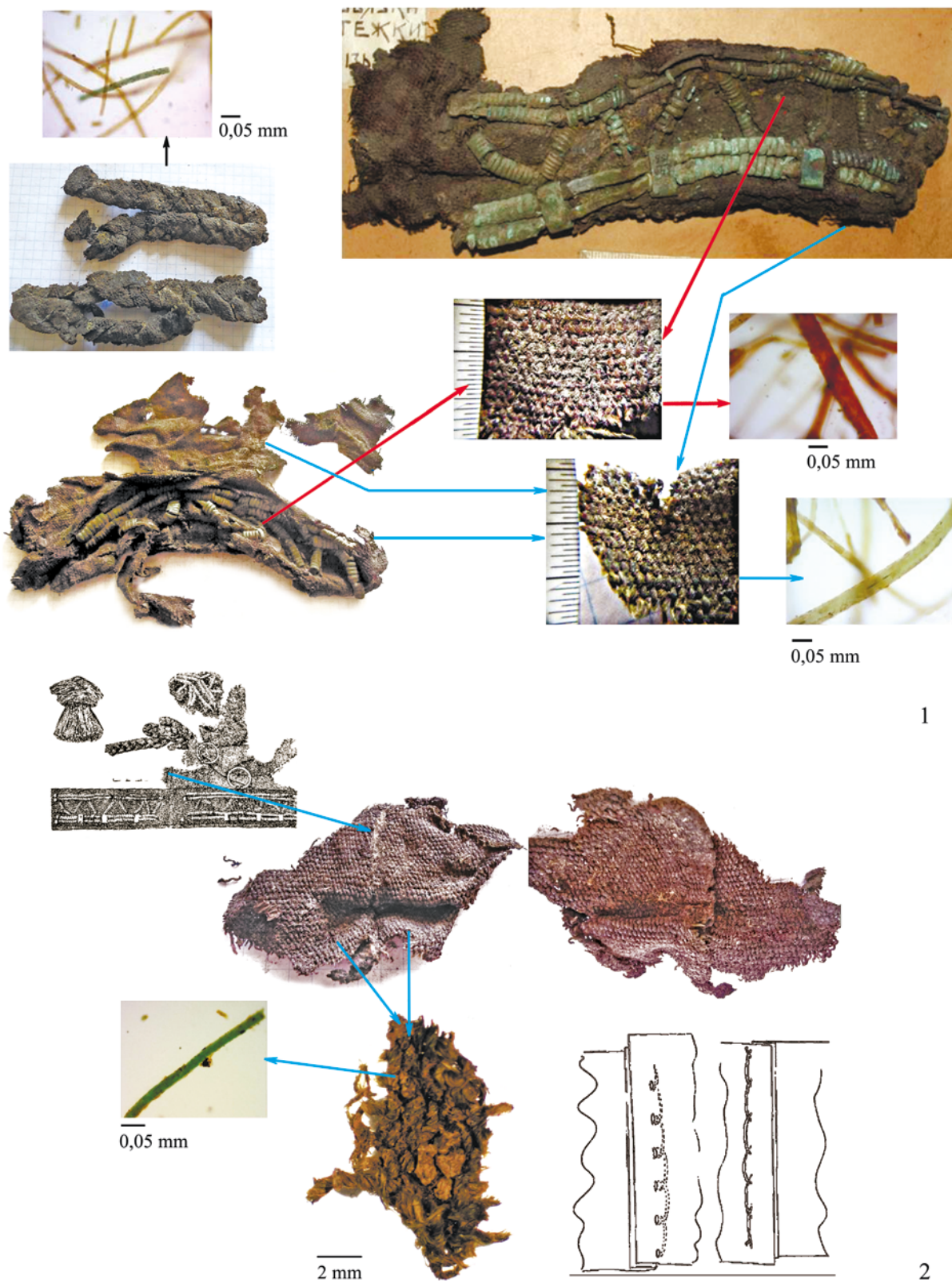

Рис. 9.

Рис. 8. Головной убор из погребения 3 могильника Гавердово: 1 – фрагмент лобной части убора с расшивкой пронызиями; 2 – остатки лобной и затылочных частей с накосниками и нижним краем; 3 – ажурная застежка; 4 – часть головного убора с расшивкой пронызиями по нижнему краю, застежками сюльгами и «косами»; 5 – волосная кисть; 6 – вид остатков головного убора вместе с наборной наручной повязкой и ожерельем перед разбором содержимого туюска. 1, 2, 4 – текстиль, кожа, бронза; 3 – бронза; 5 – волос; 6 – текстиль, кожа, бронза, стекло (по: Ефименко, 1975)

Рис. 9. Текстильная часть головного убора из погребения 3 могильника Гавердово. Результаты изучения. Стрелками показаны макрофотографии фрагментов и микрофотографии отобранных с них волокон в проходящем поляризованном свете: 1 – отделка головного убора и косы; 2 – фрагмент с затылочным швом с лицевой и оборотной стороны, схема выполнения шва с лица и изнанки

только то, что в ткани использованы нити Z-крутки. Не определима даже плотность ткани.

На затылке основная ткань сшита швом «назад иголку» с шагом 0,5 см. Для этого она была сложена краями, заложена на одну сторону и прошита сквозь три слоя. Изнутри край не обработан, на внутренней стороне края просто срезаны. Сшивная нить полностью истлела, при попытке отбора материала она рассыпалась в прах (рис. 9: 2).

Венчик изготовлен из тканевой основы, на которую, как и на «шапочку», «в прикреп» нашиты в 4 ряда нанизанные на кожаный ремешок бронзовые пронызии. Тканевая основа полотняного переплетения плотностью 22×10 н/см², коричневого цвета. Сзади у нижнего края ткани имеются нитяные петельки, обшитые красной шерстяной нитью. Судя по рисункам Ефименко, за эти петельки крепились кожаные полоски с металлическими деталями, которые сейчас сильно фрагментированы.

Реконструкция вида головного убора (рис. 11) была сделана на основе полученных данных и рисунков автора раскопок. Благодаря рисункам, удалось не только реконструировать вид головного убора из туюска, найденного в погребении 3, но и реконструировать предположительную схему надевания этого типа головных уборов (рис. 10). Нами были предприняты практические эксперименты на основании его изображений, позволившие смоделировать наиболее вероятную схему убора на голове.

Fig. 8. Headdress from the burial 3 of Gaverdovo burial ground: 1 – fragment of the frontal part; 2 – remains of the frontal and occipital parts; 3 – openwork clasp; 4 – part of a headdress with embroidery on the bottom edge, clasps and “braids”; 5 – hair brush; 6 – remnants of the headdress together with the inlaid wrist bandage and necklace. 1, 2, 4 – textile, leather, bronze; 3 – bronze; 5 – hair; 6 – textile, leather, bronze, glass (after Efimenko, 1975)

Fig. 9. The textile part of the headdress from the burial 3, burial ground Gaverdovo. The arrows show macro-photographs of the studied fragments and microphotographs of the selected fibers in polarized light: 1 – the finishing of the headdress and the braid; 2 – fragment with a neck seam from the front and back side, illustration of the seam (outer and inner side)

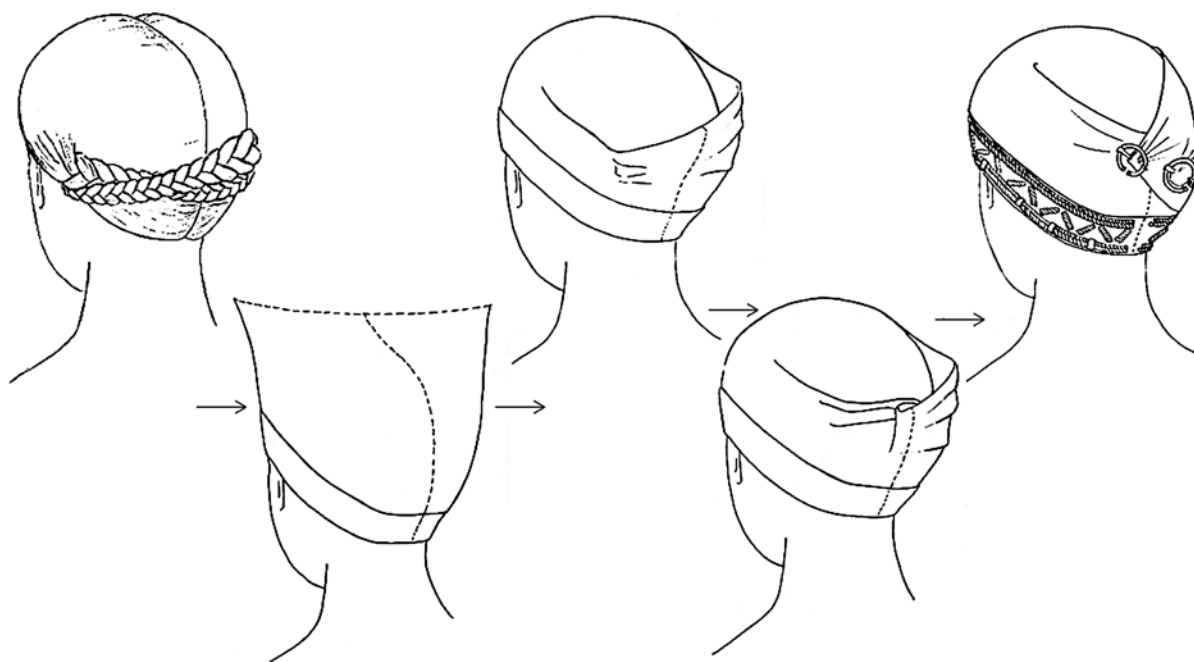
Благодаря остаткам прически из Шиловского музея, было установлено, что данная последовательность надевания и финальный вид хорошо сочетаются с уложенными на затылке косами. Пока, к сожалению, остается неясным, каким образом кроилась и шилась верхняя часть «колпака».

Все рассмотренные головные уборы, относящиеся к концу IV – первой половине V в., не единичны. Подобные им широко известны.⁵ В большинстве случаев они определяются по находкам деталей металлического декора в области головы погребенных (примеры – рис. 12).

Эти уборы являются результатом развития костюма рязанских финнов, хорошо прослеживаемого на протяжении двух столетий – с середины III в. н. э.⁶ Головные уборы с круглыми пластинчатыми бляхами и ажурными застежками, иногда дополненные налобными венчиками, обшивкой пронызиями и

⁵ в погребениях 77, 79 могильника Заречье 4, в Шатрищенском могильнике (погребение 126, раскопки Т. А. Кравченко; погребение 5, мыс 4, раскопки И. Р. Ахмедова), в погребении 73 могильника Борок 2 (экспозиция Шиловского районного музея), в погребениях 703, 772, 1129 Шокшинского могильника. (Кравченко, 1974. С. 133. Рис. 12: 5).

⁶ Датировки комплексов основаны на разработках И. В. Белоцерковской по хронологии и классификации женского убора (Основные работы: Белоцерковская, 1998, 2007; 2014).

Рис. 10. Могильник Гавердово, погребение 3. Предположительная схема надевания головного убора типа «шапочки» на основании данных об уборе (графика – А. А. Мамонова)

Fig. 10. Gaverdovo burial ground, burial 3. Proposed scheme of how to put on and wear the headdress (graphics by A. A. Mamonova)

бляшками, фибулами, хорошо известны в древностях рязанских финнов второй половины III – IV в.

Находки в могильниках Кораблино (погребения 62, мыс 1; 2 6, 8, 39, 57, мыс 2) и Заречье IV (погребения 112, 120, 127, 203) демонстрируют эволюцию бронзовых украшений уборов.

Ажурные застежки развиваются от сравнительно небольших литых застежек «москворецкого» облика с подвесками или без до застежек «классической» схемы с крупным центральным кольцом (рис. 13: 1, 4, 7, 10).

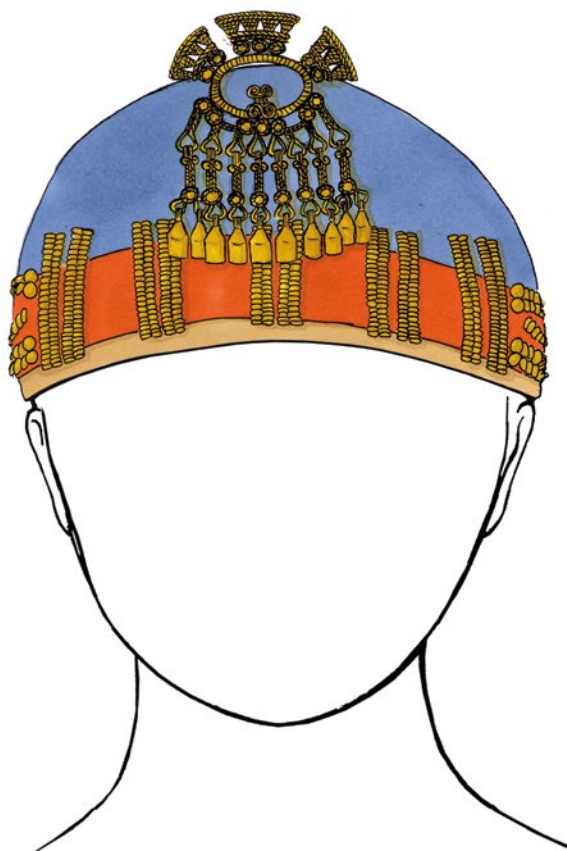
Направление эволюции круглых пластинчатых головных блях идет по пути изменения размеров, увеличения количества гравированного декора в виде концентрических кругов, изменения формы и количества накладных деталей. Наиболее типологически ранняя бляха из погребения 57 мыса 2 могильника Кораблино снабжена приостренной пластинчатой иглой-фиксатором с гравированным орнаментом, напоминающей пластинчатые иглы на застежках II – начала III в. из погребений Кошибеевского могильника и древнемордовских памятников Посурья и Примокшанья (Спицын, 1901. Табл. VIII: 6; IX: 19; XII: 12; Шитов, 1988: С. 9. Табл. V: 14; VIII: 16; XI: 3, 15; Гришаков, 2008. Рис. 4: 1–3). Далее короткие фиксаторы эволюционируют в диаметрально-

ные, на бляхе из погребения 62 мыса 1 могильника Кораблино диаметрально накладная дополняется радиусной, затем бляхи украшают уже двумя накладками, расположенными в форме креста. Иногда они фигурные, как, например, в погребении 146 могильника Заречье (рис. 13: 2, 5, 8, 11; 14 Б: 4).

В уборах рубежа III–IV вв. иногда использовались привозные «черняховские» небольшие фибулы двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником (погребения 62, 75, мыс 1 могильника Кораблино; 146 могильника Заречье), дающие надежные основания для определения хронологических позиций этих находок (рис. 13: 9, 12).

Отличительной особенностью ранних рязано-окских уборов являются крупные пластинчатые ромбические височные кольца, свернутые по спирали (рис. 13: 3, 6; 14 Б: 3). В погребении 39 мыса 2 могильника Кораблино был изучен один из наиболее ранних головных уборов с такими кольцами, датирующийся в рамках середины – второй половины III в., сохранившийся *in situ* на остатках черепа погребенной. Его состав указывает на возможное происхождение как самой схемы, так и отдельных ее составляющих. По продольной оси убора ткань была украшена полосой из трех пришитых кожаных ремешков с мелкими пронизями-обоймами, задний

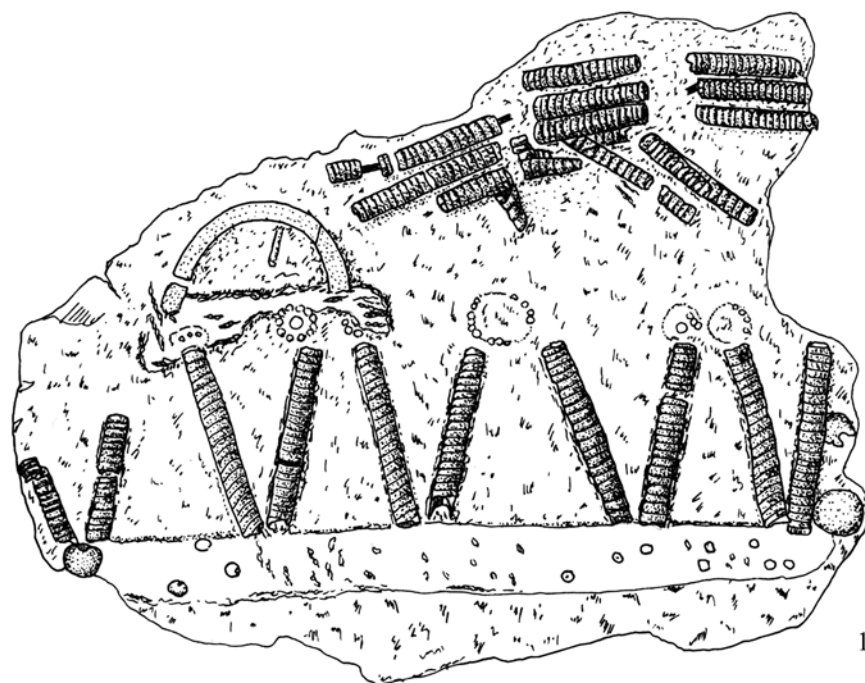
Рис. 11. Реконструкция вида головного убора по материалам погребения 3 Гаввердовского могильника (графика – А. А. Мамонова)

Fig. 11. Gavrdovo burial ground, burial 3. Reconstruction of the headdress (graphics by A. A. Mamonova)

Рис. 12. Находки головных уборов в рязано-окских древностях: 1 – могильник Заречье 4, погребение 79; 2 – Шатрищенский могильник, погребение 126 (Раскопки Т. А. Кравченко). 1 – графика – И. В. Белоцерковская; 2 – по: Кравченко, 1974

Fig. 12. Finds of headdresses in the archaeological sites from the Ryazan-Oka region: 1 – Zarechye 4 burial ground, burial 79 (graphics by I. V. Belotcerskaya); 2 – Shatrishchensky burial ground, burial 126 (excavations T. A. Kravchenko, graphics after Кравченко, 1974)

0 3 см

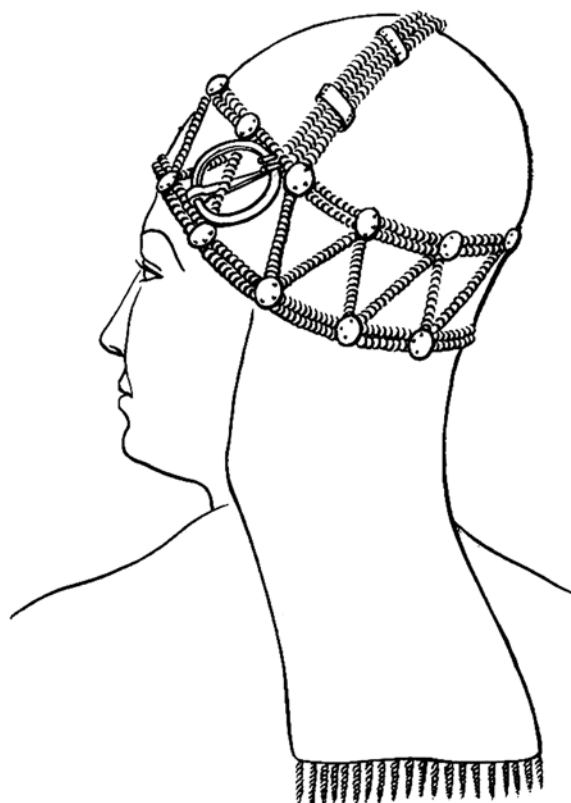

Рис. 12.

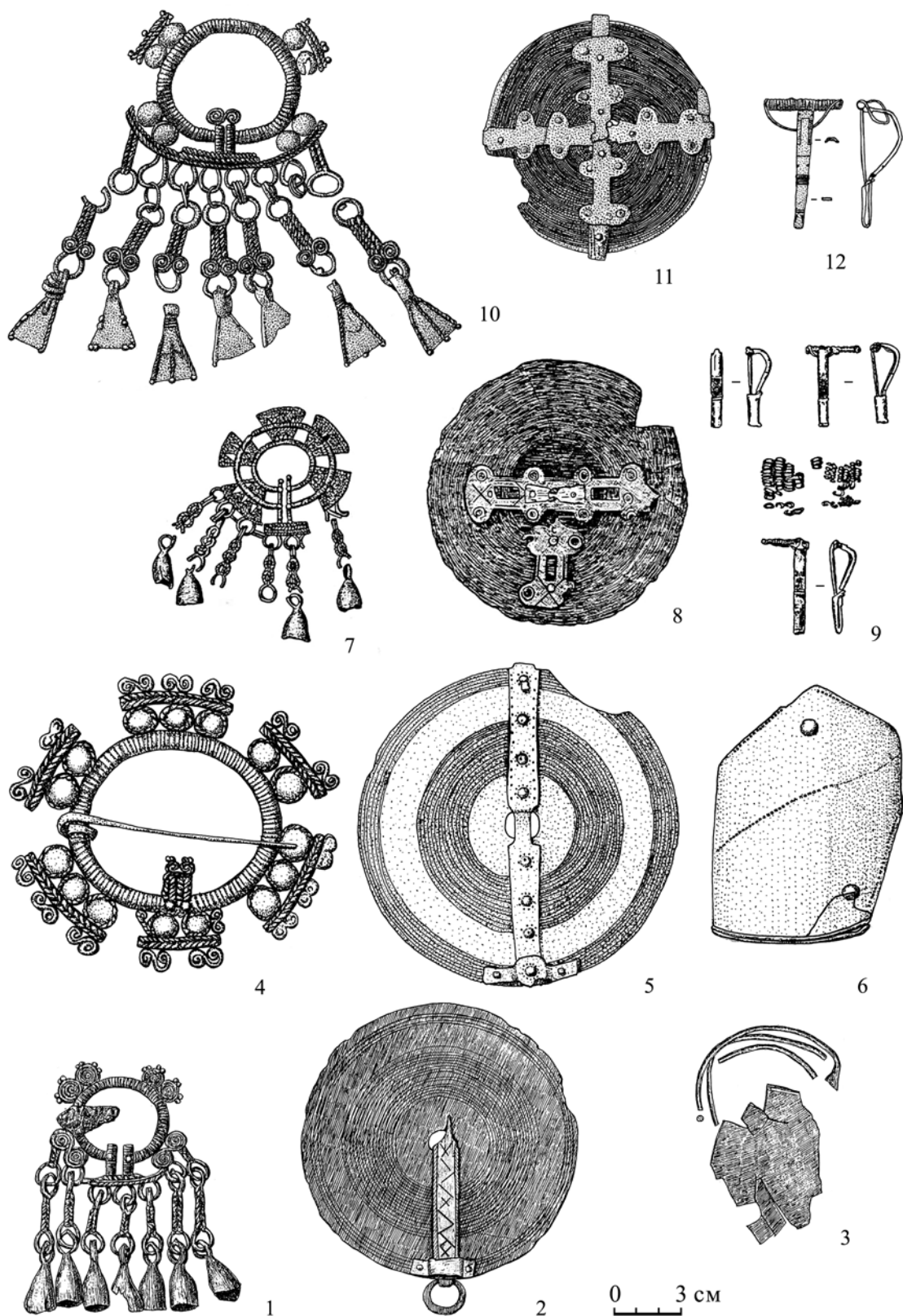

Рис. 13.

Рис. 13. Детали декора рязано-окских женских головных уборов конца III – IV в. 1–3 – мыс 2, могильник Кораблино, погребение 57; 4–6 – могильник Заречье, погребение 112; 7–9 – мыс 1, могильник Кораблино, погребение 62; 10–12 – могильник Заречье, погребение 146. 1–12 – бронза (графика – И. В. Белоцерковская)

Fig. 13. Decoration details of the Ryazan-Oka women's headdresses (the late 3rd and 4th centuries). 1–3 – Cape 2, Korablino burial ground, burial 57; 4–6 – Zarechye burial ground, burial 112; 7–9 – Cape 1, Korablino burial ground, burial 62; 10–12 – Zarechye burial ground, burial 146. 1–12 – Bronze (graphics by I. V. Belotserkovskaya)

конец которой заходил на затылке под пластинчатую бляху с вертикальной накладкой и пластинчатой петлей, передний в лобной части завершался литой кольцевой застежкой с дополнительными подвешенными подвесками. На висках были закреплены лопастные свернутые подвески (рис. 14 А).

Убор содержит местные элементы (пластинчатая затылочная бляха) и «верхнеокско-москворецкие» (кольцевая застежка вида 7⁷ с круглыми дисками на концах и в центре рамки, имитирующими гнезда для эмали с вписанными в них крестами; с дуговидными выступами по внешнему краю и на дисках с шариками ложной зерни, а также височные кольца с лопастью) (рис. 14 Б: 2, 3). Лопастные кольца являются характерной особенностью погребенных в могильнике Большое Давыдовское 2 в Суздальском Ополье, оставленном коллективом с ярко выраженными рязано-окскими элементами. Прототипы височных колец с лопастью появляются в самом начале сложения культуры рязанских финнов и известны также в древностях типа Ново-Клейменово в Верхнем Поочье и позднедьяковских в Москворечье. Происхождение их, возможно, связано с носителями культур финала раннего железного века – милоградской и штрихованной керамики западных районов Смоленщины и Белоруссии (Белоцерковская, 1998. С. 40–49; 2000. С. 99–108; Ахмедов, Белоцерковская, 2019; Макаров и др., 2010. С. 45, 47. Рис. 4: 17, 18; 6: 3, 3/1; 2012. С. 154. Илл. 5: 1; Белоцерковская 2007. С. 191, 192, 201–203. Рис. 7, 8).

«Местные» элементы в ансамблях декора рязано-окских головных уборов восходят к головным уборам, представленным в погребениях Кошибеевского могильника конца I – начала III в., оставленного населением, потомки которого освоили среднее течение р. Оки и во взаимодействии с верхнеокским и москворецкими группами создали рязано-окскую культуру во второй половине III в. н. э. (рис. 20: 1–4).

⁷ Авторы пользуются классификацией, предложенной И. Р. Ахмедовым для поздних кольцевых фибул круга «восточноевропейских эмалей» из Волго-Окского региона (Ахмедов, 2018).

Наиболее характерными особенностями наиболее поздних уборов этой конструкции являются ажурные застежки и воспроизводящие их бляхи, а также пластинчатые рифленые подвески.

Застежка из ансамбля головного убора в погребении 80 Никитинского могильника, в отличие от более ранних образцов хронологического периода 2б, имеет широкие боковые лопасти с полушарными выпуклостями по краям, соединенными с крайними кольцами для подвесок. Центральное кольцо окружено сплошным поясом из полушарных выпуклостей, общий абрис рамки эллипсовидный в отличие от более ранних образцов с рамкой подтрапецевидного абриса (рис. 3: 1) (Белоцерковская, 2007. С. 193. Рис. 1: 14, 19; Рис. 7).

Эта тенденция прослеживается и на других поздних застежках и производных от них ажурных бляхах. У застежки из погребения 703 Шокшинского могильника общий абрис рамки округлый, хотя облик застежки еще близок образцам IV в. (рис. 16: 4). У застежки из погребения 73 могильника Борок 2 выступы почти сросшиеся, общий абрис овальный (рис. 15: 2). Декор рамки застежки из Шатрищенского могильника разделен на две части: верхняя состоит из композиции в виде сегмента, в основании которого зона полушарных выпуклостей, с двойной «веревочной» полосой по внешнему краю, на которую опирается зона вертикальных столбиков из двойных «веревочных» валиков, ограниченная еще одной двойной полосой из таких же валиков. Длинные стойки для крепления петель, в которые вставлялись кольца, крепившие звенья коленчатых подвесок, выполнены в виде трех рядов гладких валиков. Отличительной чертой этой застежки является и форма концевых привесок – объемных четырехгранных с шариками ложной зерни на углах основания и с двойным валиком под петлей. (Исследования А. И. Черепнина на Шатрищенском могильнике в 1903 г.) (Монгайт, 1961. Рис. 34) (рис. 15: 1).

У наиболее поздних блях отсутствуют иглы. Вместо них в центральном кольце или две параллельные полосы в виде двух «веревочных» валиков (погребение 772 Шокшинского могильника), или крестовидная фигура из полос из двух «веревочных»

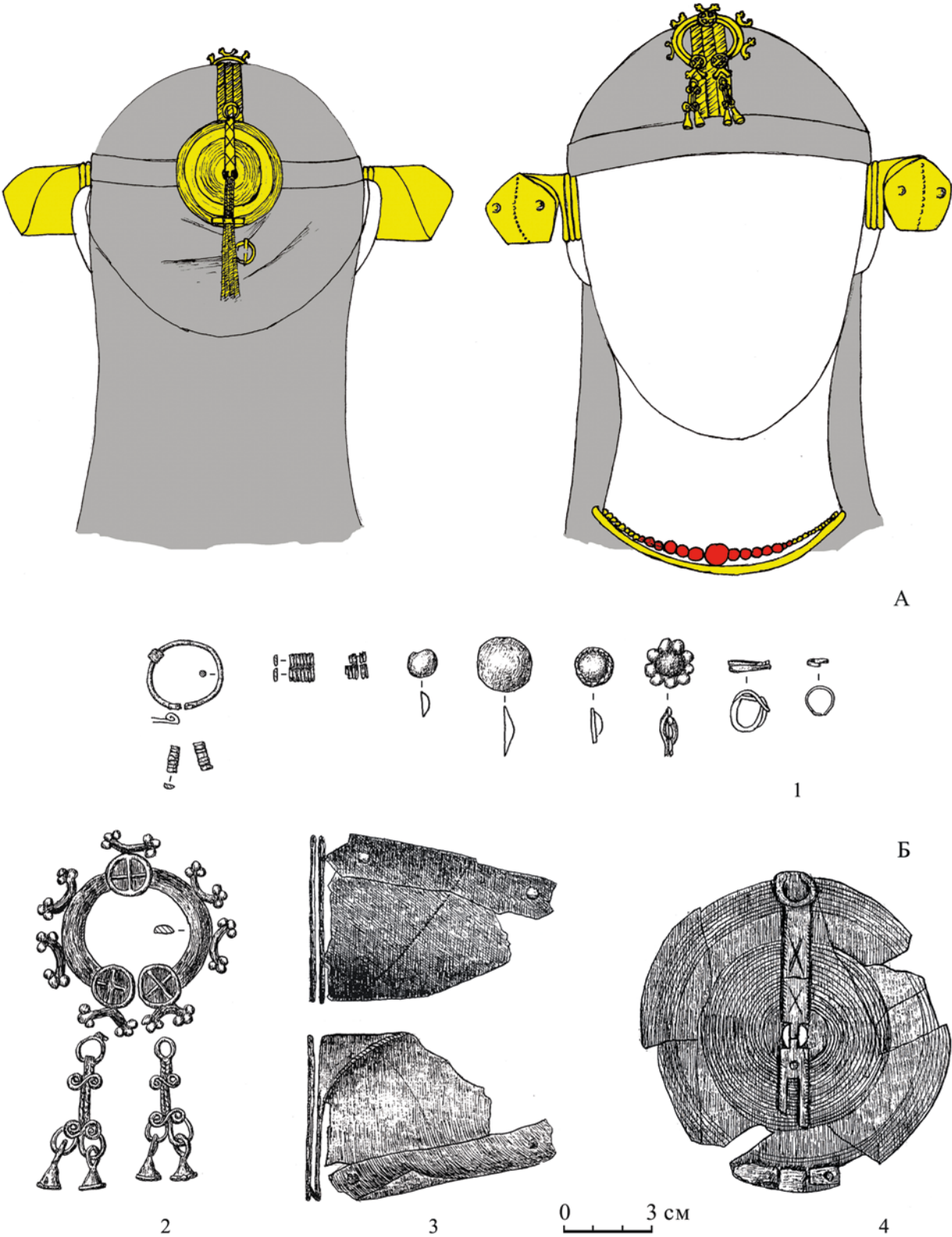

Рис. 14.

Рис. 14. Головной убор из погребения 39 мыс 2 могильника Кораблино: *А* – реконструкция головного убора; *Б* – металлические элементы декора; *1* – детали расшивки; *2* – застежка; *3* – височное кольцо; *4* – затылочная бляха. *1* – бронза, кожа; *2–4* – бронза (*А* – графика – И. Р. Ахмедов; *1–4* – графика – И. В. Белоцерковская)

Fig. 14. Headdress from the burial 39 (Cape 2, burial ground Korablino): *A* – reconstruction of the headdress; *B* – metal elements of decoration; *1* – details of embroidery; *2* – clasp; *3* – temporal ring; *4* – back head plaque. *1* – bronze, leather; *2–4* – bronze (*A* – graphics by I. R. Akhmedov; *1–4* – graphics by I. V. Belotserkovskaya)

валиков, в одном случае – с полушарной выпуклостью в центральной части. (Находка из могильника Борок 2; погребение 1129 Шокшинского могильника) (рис. 15: 3; 16: 9, 14).

У застежек из погребений 772 и 1129 Шокшинского могильника лопасти на верхней части кольца превратились в сплошной выступ. У бляхи из по-

гребения 772 выступ, близкий по облику выступу застежки из Шатрищенского могильника, помещен на круглую ажурную рамку, состоящую из колец из рифленых и «веревочных» валиков, между которыми парами помещены полушарные выпуклости, разделенные перемычками из «веревочных» валиков. Центральное кольцо в нижней части снаб-

1

3

Рис. 15. Находки головных уборов и отдельных деталей уборов V в. в памятниках рязано-окских финнов. *1* – Шатрищенский могильник, раскопки А. И. Черепнина в 1903 г.; *2* – могильник Борок 2, погребение 73; *3* – могильник Борок 2 (1 – по: Монгайт, 1961; 2–3 – фото А. П. Гаврилова)

2

Fig. 15. Headdress finds from the 5th century AD monuments of the Ryazan-Oka Finns. *1* – Shatrishchenskii burial ground, excavations by A. I. Cherepnin in 1903; *2* – Borok 2 burial ground, burial of 73; *3* – Borok 2 burial ground (1 after Монгайт, 1961; 2–3 – photo by A. P. Gavrilov)

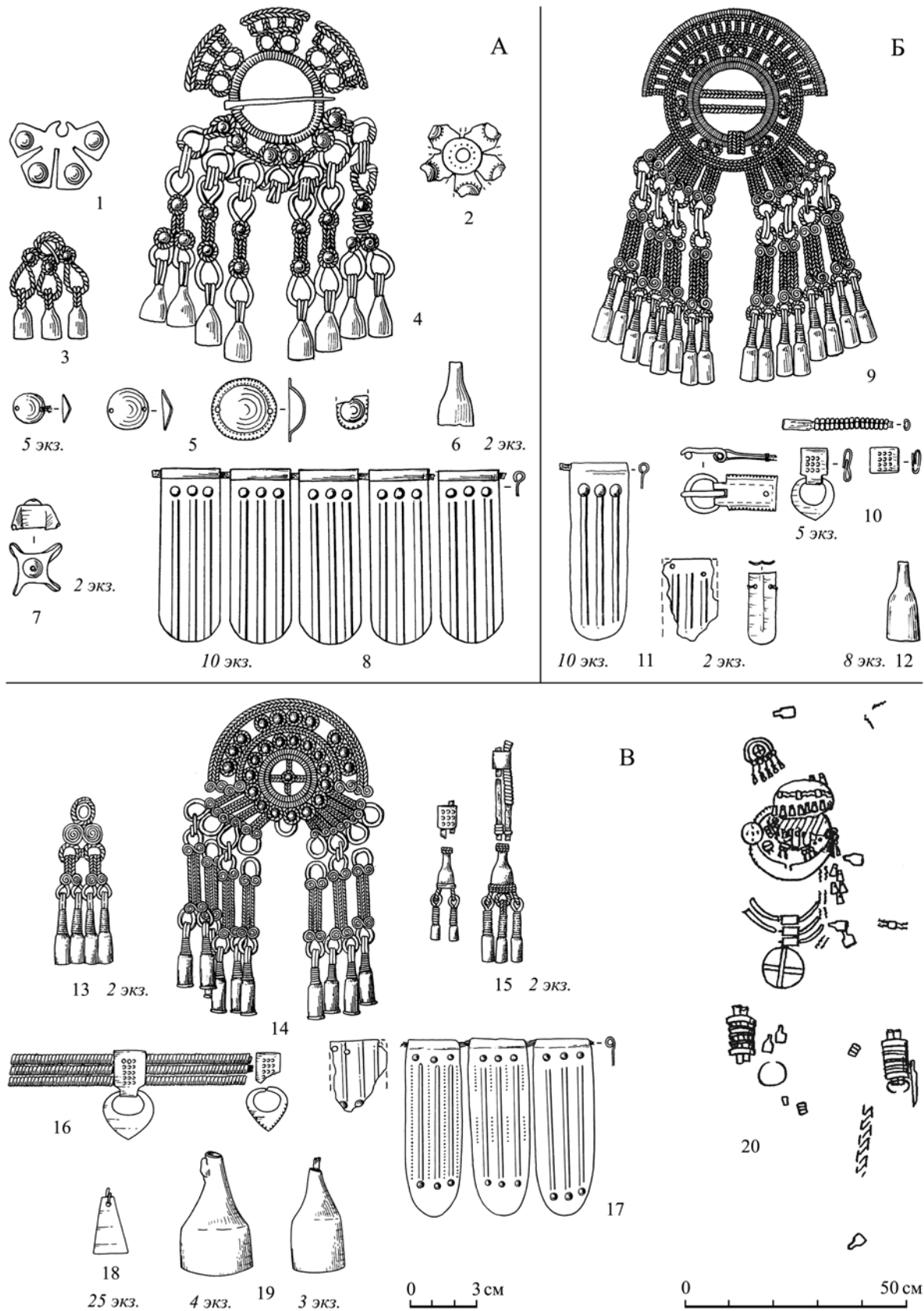

Рис. 16.

Рис. 16. Детали декора головных уборов из погребений Шокшинского могильника: *A.* 1–8 – Погребение 703; *B.* 9–12 – Погребение 772; *B.* 13–20 – Погребение 1129. 1–7, 9, 12, 13, 14, 18 – бронза; 8, 10, 11, 15, 16, 17, 19 – бронза, кожа. 20 – погребение 1129, полевой чертеж (графика – В. Н. Шитов)

жено вертикальными столбиками, имитирующими трубочки на кольцевых застежках-сюльгамах (рис. 16: 9). У застежки из погребения 1129 также двойное центральное кольцо, окруженное полушарными выпуклостями и колечком в нижней части, верхний выступ почти сливается с косыми стойками для подвесок, состоит из двух полос, пространство между которыми заполнено тремя группами полушарных выпуклостей – четыре в центре и по три по сторонам (рис. 16: 14). Поздними признаками также являются длинные косые стойки с кольцами для привесок на коленчатых звеньях и форма привесок с имитацией «обмотки» в верхней части. Эти признаки, как и формы височных и затылочных подвесок, позволяют датировать эти уборы в рамках второй половины – последних десятилетий V – начала VI в. (Белоцерковская, 2014. С. 210. Рис. 14: 37, 45, 46).

Другой важной отличительной деталью декора головных уборов этой группы являются пластинчатые рифленые подвески. Кроме погребения 80 Никитинского могильника, они были найдены в раскопках А. И. Черепнина на Шатрищенском могильнике, возможно, вместе с описанной выше ажурной застежкой, в составе головного убора в погребении 73 могильника Борок 2, в погребениях 703, 772, 1129 Шокшинского могильника.

Эта категория украшений хорошо известна по древнемордовским памятникам Посурья и Примокшанья со второй половины II в. Исследователи проследили эволюцию таких подвесок на протяжении трехсот лет (Мясников и др., 2018. С. 82–84. Рис. 9). Не учтенные в их работе находки из рязано-окских памятников дополняют эти наблюдения и позволяют датировать наиболее поздние экземпляры второй половиной V – началом VI в.

Наиболее ранние образцы второй половины II – начала III в. украшены крупной полушарной выпуклостью в верхней части и одной вертикальной линией под ней. В конце II – III в. они становятся крупнее, на подвесках появляются две меньшие по размеру полушарные выпуклости с двумя вертикальными линиями под ними, на всех более поздних подвесках выпуклостей и линий уже по три. В отдельных случаях (клад, найденный на городище Ножа-Вар, погребение 80 Никитинского могильника)

Fig. 16. Details of headdress decorations from the burials of Shokshinskii burial ground: *A.* 1–8 – burial 703; *B.* 9–12 – burial 772; 13–20 – burial 1129. 1–7, 9, 12, 13, 14, 18 – bronze; 8, 10, 11, 15, 16, 17, 19 – bronze, leather. 20 – burial 1129, field drawing (by V. N. Shitov)

ка) в верхней части по два ряда полушарных выпуклостей. У некоторых поздних подвесок полушарные выпуклости присутствуют и в верхней, и в нижней частях.⁸

В ареале культуры рязано-окских финнов наиболее ранней находкой, видимо, следует считать рифленые подвески в составе конского убора из комплекса 75 второй половины IV в. («Приношения») на мысу 1 могильника Кораблино. Эти подвески с тремя рядами орнамента имеют прямой нижний край, как у подвесок из погребения 106 Селиксенского могильника второй половины III в. (Ахмедов, 1995. Рис. 4, 1; 2007. С. 143. Рис. 15, 38, 39; Мясников и др., 2018. С. 84. Рис. 9). Очевидно, что в это время такие подвески для рязано-окских финнов были, в некотором смысле диковинкой, о чем свидетельствует их использование в качестве подвесок на боковых ремнях конского оголовья. В более позднее время они, как и у населения Посурья, так и Примокшанья, использовались исключительно в составе женских головных уборов, но известны пока только на памятниках рязанских финнов.

Сопоставление рязано-окских и посурско-примокшанских находок головных уборов чрезвычайно важно для нашей темы.

Наиболее ранние уборы рассматриваемой схемы найдены в Посурье.

В женском погребении конца II – начала III в., найденном на р. Свинухе (Пензенский могильник), металлические детали располагались на хорошо сохранившемся черепе, отпечатки металла на котором позволили воспроизвести схему декора головного убора. Продольная ось состояла из круглых плоских бляшек с отверстием, через которое пропусклся ремешок, зафиксированный маленькой полусферической бляшкой. Ряд бляшек заканчивался на затылке крупной круглой бляхой, закрепленной таким же

⁸ Погребение 80. Никитинский могильник; находки из разрушенного погребения на территории Борковского могильника, погребение 73 могильника Борок 2, погребение 1129 Шокшинского могильника. В двух последних комплексах из этого ряда и в кладе на городище Ножа-Вар присутствуют подвески с декором, дополненным чеканным орнаментом. (Спицын, 1901. С. 42. Табл. XXI: 8; Мясников и др., 2018. Рис. 9) (рис. 3: 4; 15: 2; 16: 17).

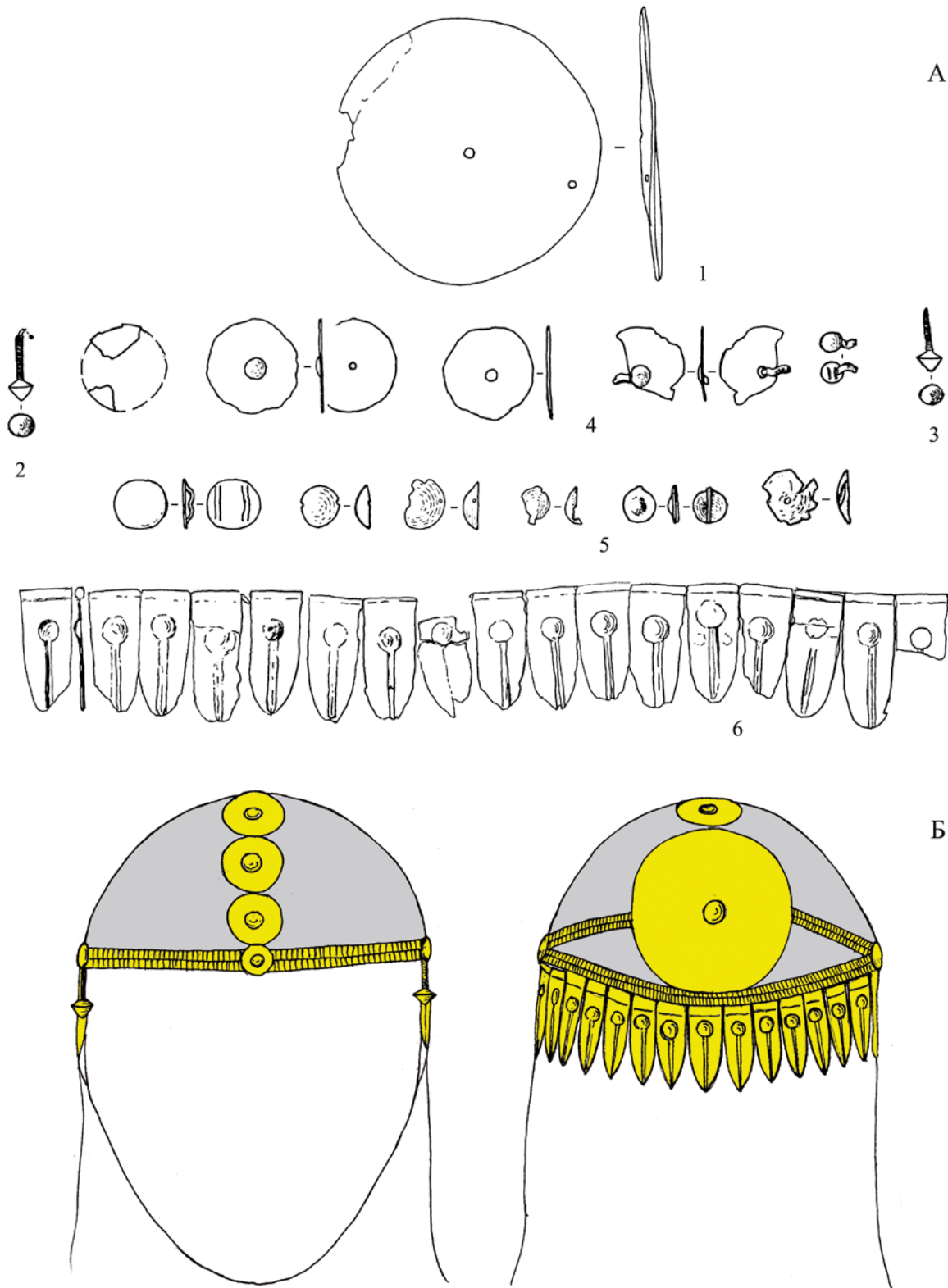

Рис. 17.

Рис. 17. Головной убор из женского погребения на р. Свинухе (Пензенский могильник). *А* – металлические детали декора; *1–6* – бронза. *Б* – реконструкция (графика – И. Р. Ахмедов)

Fig. 17. Headdress from a female burial on the Svinukha River (Penza burial ground). *A* – metal decoration details; *1–6* – bronze. *B* – reconstruction (graphics by I. R. Akhmedov)

образом. Нижний край убора был украшен двойным рядом ремешков с пронизями, возможно, с мелкими бляшками на висках, к которым могли быть прикреплены характерные «древнемордовские» височные привески с биконическими «грузиками» на концах. От височных бляшек к центру затылочной бляхи шли двойные ряды ремешков с пронизями. Задняя часть убора от висков была украшена нанизанными на ремешок пластинчатыми подвесками с полушарной выпуклостью в верхней части и вертикальным ребром (рис. 17).

Близкий головной убор, относящийся к несколько более раннему времени (II в. н. э.), был найден в 2014 г. при исследованиях Н. С. Мясникова на Сендими́ркинском могильнике в Нижнем Посурье.

Он располагался на остатках черепа женщины, погребенной в захоронении 34, и хорошо сохранился.

После извлечения из захоронения он был оперативно доставлен в лабораторию для исследования, что позволило изучить его максимально полно. Участие одного из авторов в этой работе позволило использовать те же подходы и методы, как и при обработке рязанских находок, что предоставляет уникальные возможности для сопоставления с находками из Рязанского Поочья (Мясников и др., 2018. С. 73–90). Лобная часть убора была украшена по продольной оси ремешком с пронизями, подходящим к круглой бляшке в теменной части убора, от которой вниз опускаются еще три ремешка с пронизями, центральный из которых заходил под крупную

Рис. 18. Реконструкция головного убора из погребения 34 Сендими́ркинского могильника по Н. С. Мясникову, А. А. Мамоновой, В. В. Гришакову (графика – А. А. Мамонова)

Fig. 18. Reconstruction of the headdress from the burial 34, Sendimirkinskii burial ground after N. S. Myasnikov, A. A. Mamonova, V. V. Grishakov (graphics by A. A. Mamonova)

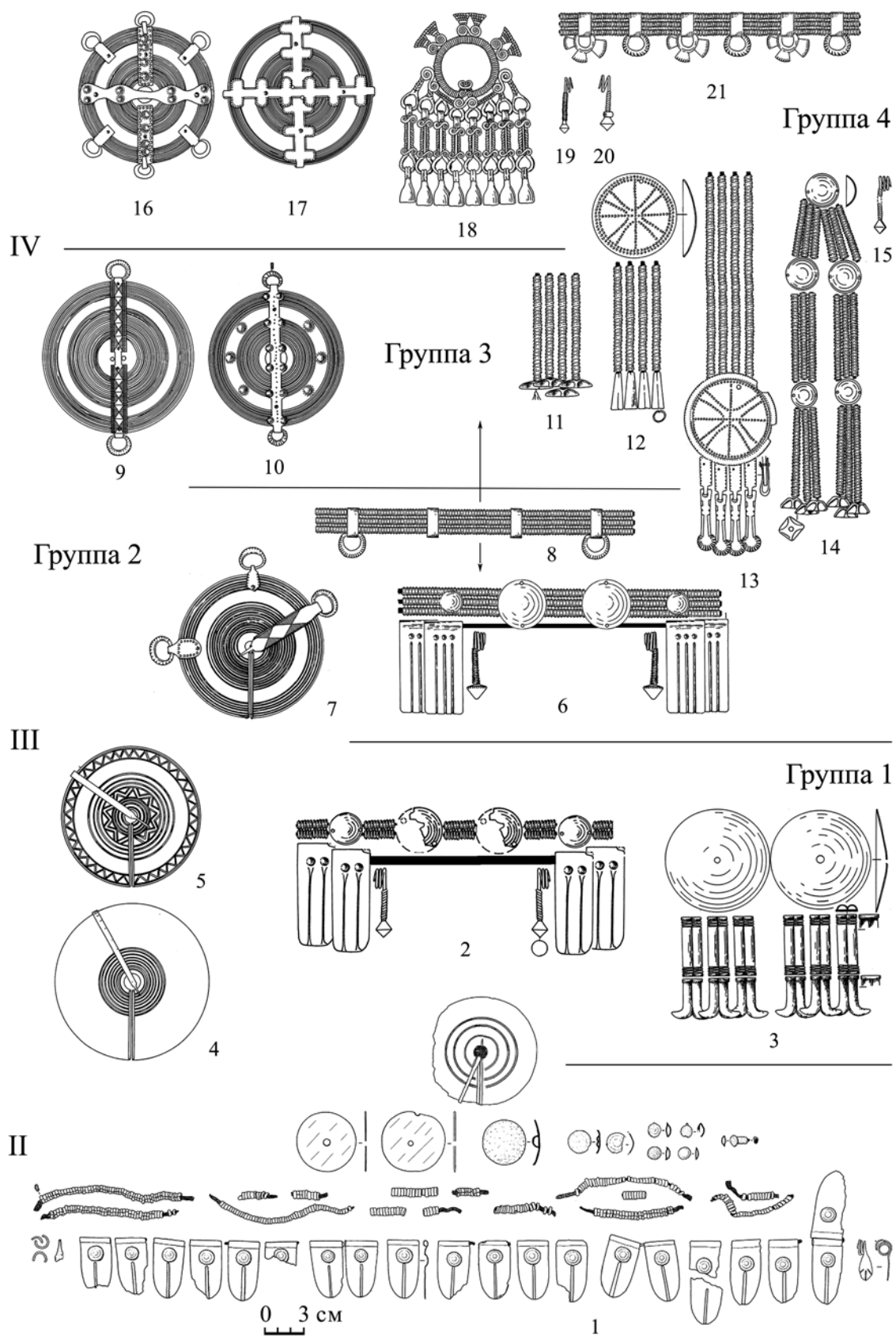

Рис. 19.

Рис. 19. Хронологические группы деталей головных уборов Посурья и Примокшанья II–IV вв. по В. В. Гришакову с дополнениями. 1 – п. 32 Сендимиркинский могильник; 2 – п. 13, Шемышейский могильник; 3 – п. 11, Шемышейский могильник; 4 – п. 3, Ражкинский могильник; 5 – п. 5–6–6а, Ражкинский могильник; 6 – п. 78 (височные привески), п. 106, Селиксенский могильник; 7 – п. 52, Селиксенский могильник; 8 – п. 29, Селиксенский могильник; 9 – п. 115, Селиксенский могильник; 10 – п. 12, Селикса-Трофимовский могильник; 11 – п. 51, Селикса-Трофимовский могильник; 12 – п. 47, Селикса-Трофимовский могильник; 13 – п. 47, Селикса-Трофимовский могильник; 14–15 – п. 10, Ражкинский могильник; 16 – п. 7, Селикса-Трофимовский могильник; 17, 21 – п. 22, Тезиковский могильник; 18 – п. 45, Селикса-Трофимовский могильник; 19 – п. 41, Тезиковский могильник; 20 – п. 49, Тезиковский могильник

пластинчатую застежку на затылке, а два боковых – под круглые бляхи по сторонам этой застежки. В височных областях располагались круглые бляшки, под которыми закреплялись пластинчатые ромбические привески со спиральными колечками в верхней части. Тыльная сторона нижней части была украшена тремя рядами ремешков с пронизями, идущими от бляшек на висках, по нижнему краю был подшит ремешок с пластинчатыми подвесками.

На голову надевалась «шапочка», сшитая из шерстяной ткани полотняного переплетения (1:1) плотностью 20×14 н/см², окрашенной с применением индиго (то есть ткань была окрашена в светлосиний или сине-зеленый цвет). Эта ткань оборачивалась вокруг головы по долевым. Прямо над верхним рядом подгибки, на расстоянии 6,6 мм от края, нашта шерстяная саржевая лента с узором елочкой, шириной 3,2 см. Поверх ленты в три ряда крепились металлические пронизки, надетые на кожаный плоский шнурок. Один шнурок с пронизками проходит посередине головы по шву от лба через темя к затылку, наполняя на затылочную бляху. На темени находится небольшая бляшка, от которой отходят еще по одному ряду пронизок с каждой стороны, изгибаясь к бокам, где заканчиваются маленькой гладкой выпуклой бляшечкой.

Набор использованных тканей, их цвета и схема, по которой сшита «шапочка», очень напоминают рассмотренные выше примеры. Такой же шов на затылке, такая же лента с пронизями по нижнему краю. Однако наборы металлических деталей и

Fig. 19. Chronological groups of headdress details from the Sura and Moksha regions in 2nd – 4th centuries AD (after V. V. Grishakov with additions). 1 – burial 32, Sendifirinskii burial ground; 2 – burial 13, Shemysheiskii burial ground; 3 – burial 11, Shemysheiskii burial ground; 4 – burial 3, Razhkinskii burial ground; 5 – burial 5–6–6a, Razhkinskii burial ground; 6 – burial 78 (temporal pendants), burial 106, Seliksenskii burial ground; 7 – burial 52, Seliksenskii burial ground; 8 – burial 29, Seliksenskii burial ground; 9 – burial 115, Seliksenskii burial ground; 10 – burial 12, Seliksa-Trofimovskii burial ground; 11 – burial 51, Seliksa-Trofimovskii burial ground; 12 – burial 47, Seliksa-Trofimovskii burial ground; 13 – burial 47, Seliksa-Trofimovskii burial ground; 14–15 – burial 10, Razhkinskii burial ground; 16 – burial 7, Seliksa-Trofimovskii burial ground; 17, 21 – burial 22 Tezikovskii burial ground; 18 – burial 45, Seliksa-Trofimovskii burial ground; 19 – burial 41, Tezikovskii burial ground; 20 – burial 49, Tezikovskii burial ground

рисунок пронизей на ленте имеют несомненные отличия.

Во многих местах под металлическими частями головного убора сохранились остатки волос. Височные пряди спускаются прямо из-под «шапочки». По характеру их деформации можно предположить, что волосы не были как-либо уложены или заплетены. То есть головной убор, вероятно, был надет на расчесанные волосы, которые свободно спускались из-под него на плечи (рис. 18).

Остатки подобных уборов найдены в шести погребениях Сендимиркинского могильника (погребения 1, 2, 9, 23, 37, 62), в погребении 13 Шемышейского могильника, погребении 21 Ражкинского могильника. Убор с подвесками, но без затылочной бляхи, был зафиксирован в погребении 106 Селиксенского могильника.

Эволюция деталей декора головных уборов населения Посурья и Примокшанья в III – начале V в. представлена в работе В. В. Гришакова (Гришаков, 2008). Детали обобщены в таблице на рисунке 19 с добавлением более ранних материалов. Таблица показывает, что развитие составляющих уборов шло по направлениям, близким отмеченным для рязано-окских древностей. Затылочные бляхи с подвижной иглой сменяются бляхами с диаметральной накладкой, а позже с фигурными накладками, расположенными крестовидно (рис. 19: 4, 5, 7, 9, 10, 16, 17). В конце III в. появляются налобные венчики с обоймами и кольцами, в образцах второй половины IV в. они иногда дополняются пластинчатыми ло-

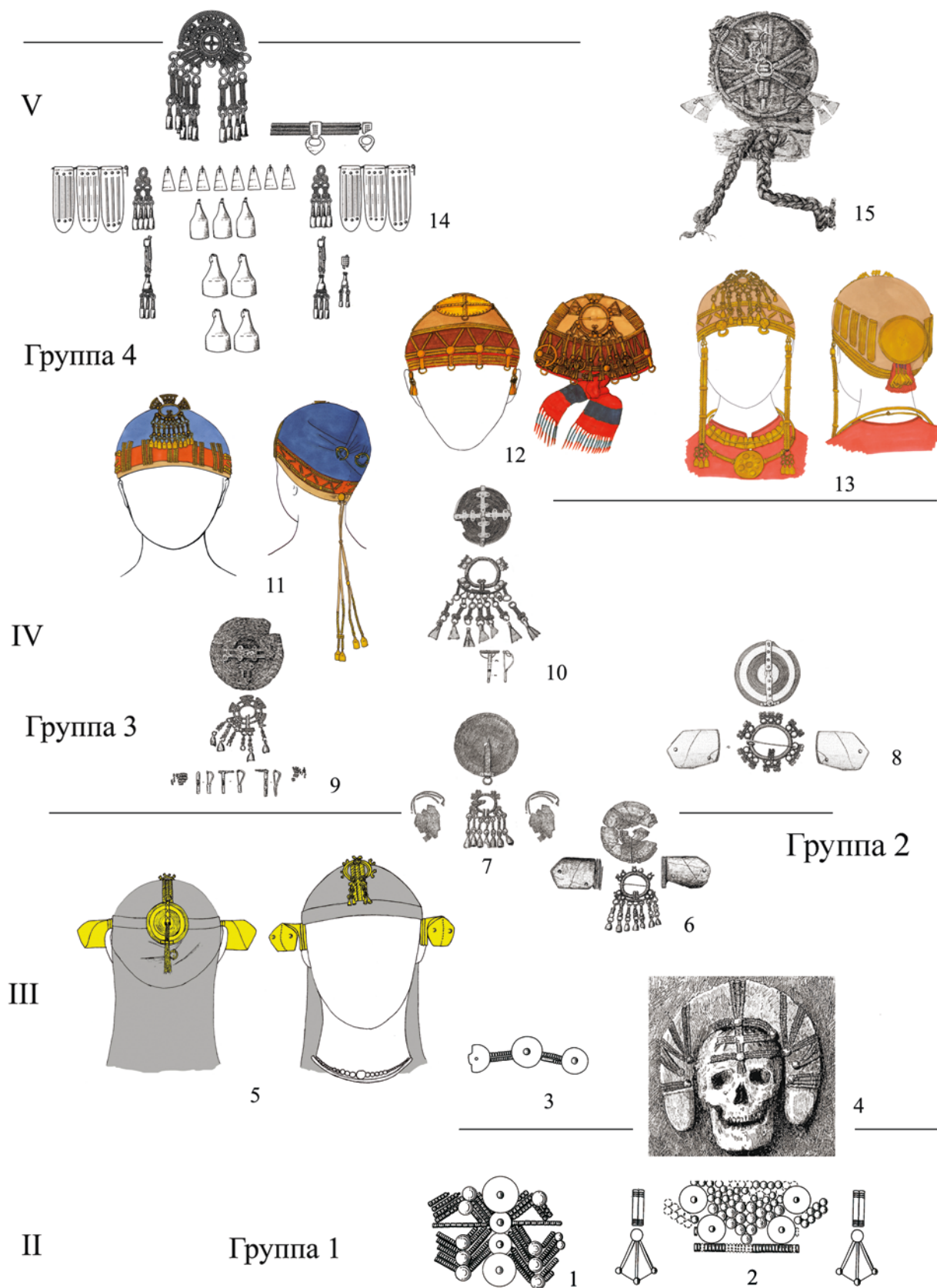

Рис. 20.

Рис. 20. Схема развития головных уборов рязанских финнов во II–V вв. н. э. 1 – п. 24, Кошибеевский могильник (раскопки В. Н. Глазова); 2 – п. 33, Кошибеевский могильник (раскопки В. Н. Глазова); 3 – п. 1, Кошибеевский могильник (раскопки В. Н. Глазова); 4 – п. 12, Кошибеевский могильник (раскопки А. А. Спицына); 5 – п. 39, мыс 2, могильник Кораблино; 6 – п. 6, мыс 2, могильник Кораблино; 7 – п. 57, мыс 2, могильник Кораблино; 8 – п. 112, могильник Заречье; 9 – п. 62, мыс 1, могильник Кораблино; 10 – п. 146, могильник Заречье; 11 – п. 3, могильник Гавердово; 12 – п. 69, Кузьминский могильник; 13 – п. 80, Никитинский могильник; 14 – п. 1129, Шокшинский могильник; 15 – п. 42, Кузьминский могильник

пастными подвесками, находящими параллели в рязано-окских древностях (рис. 19: 8, 21). Появляются в это время и более явные свидетельства контактов местного и рязано-окского населения – характерные ажурные застежки с подвесками (рис. 19: 18). Самобытны наконечники или затылочные кисти с пластинчатыми бляхами с крестовидными композициями, кожаными шнурками, с нанизанными пронизями и подвесками различных форм, орнаментом, среди которых есть «коробчатые» подвески, находки которых известны и в рязано-окских древностях (рис. 19: 11–14). Характерными являются и височные подвески в виде стержня со спиральным верхним концом и грузиком на нижнем, которые использовались в различных модификациях древнемордовским населением, как минимум, до XI в. н. э. (Вихляев и др., 2008. С. 11–13. Рис. 5).

Сравнение развития головных уборов на территории Рязанского Поочья и районов Посурья и Примокшанья показывает, что на протяжении III – первой половины IV в. оно шло по близким, но параллельным направлениям. В первой половине – середине IV в. к рязанским финнам начинают попадать отдельные вещи, происходящие из Посурья и Примокшанья. Наиболее массовыми являются «коробчатые» привески.⁹ В погребении 80 Никитинского и погребении 703 Шокшинского могильников «коробчатые» привески найдены вместе с рассмотренными

⁹ Они известны в пяти погребениях IV–V вв. в могильнике Заречье (погребения 46, 62, 82, 110, 115), в четырех погребениях IV – начала V в. в Кошибеевском могильнике из раскопок А. А. Спицына (погребения 21, 38, 55, 81) и в двух погребениях IV в. на мысу 1 могильника Кораблино (погребения 53, 59).

Fig. 20. Scheme of the headdresses development by Ryazan Finns in 2–5 centuries AD. 1 – burial 24, Koshibeyevskii burial ground (excavations of V. N. Glazov); 2 – burial 33, Koshibeyevskii burial ground (excavations of V. N. Glazov); 3 – burial 1, Koshibeyevskii burial ground (excavations of V. N. Glazov); 4 – burial 12, Koshibeyevskii burial ground (excavations of A. A. Spitsyn); 5 – burial 39, Cape 2, Korablino burial ground; 6 – burial 6, Cape 2, Korablino burial ground; 7 – burial 57, Cape 2, Korablino burial ground; 8 – burial 112, Zarechye burial ground; 9 – burial 62, Cape 1, Korablino burial ground; 10 – burial 146, Zarechye burial ground; 11 – burial 3, Gaverdovo burial ground; 12 – burial 69, Kuzminskii burial ground; 13 – burial 80, Nikitinskii burial ground; 14 – burial 1129, Shokshinskii burial ground; 15 – burial 42, Kuzminskii burial ground

выше головными уборами с пластинчатыми рифлеными подвесками.

Немногочисленными, но весьма важными являются находки височных подвесок с грузиком.¹⁰ В погребении 203 в Заречье найдена пластинчатая круглая застежка с радиальной прорезью, подвижной пластинчатой иглой и дополнительным кольцом, закрепленным на краю, с орнаментом в виде широкой полосы из концентрических линий, близкая находкам хронологической группы 2 (например: погребения 52 и 59 Селиксенского могильника) и хронологической группы 3 (например: погребение 10 Ражкинского могильника) древностей Посурья и Примокшанья второй половины III – первой половины IV в. (Гришаков, 2008. Рис. 10: 1, 2; 14: 3).

Перечисленные отдельные находки привозных вещей свидетельствуют лишь о контактах рязанских финнов с посурско-примокшанским населением в IV в. Облик же более поздних головных уборов¹¹, демонстрирующий синтез элементов, характерных для этих двух групп населения, позволяет предполагать присутствие носителей посурско-примокшанских традиций в среде рязанских финнов.

Причины этого явления конца IV – первой половины V в. требуют отдельного изучения. Здесь можно лишь констатировать, что самые ранние из известных захоронения Старокадомского и Шокшинского могильников на восточной окраине ареала культуры рязанских финнов в нижнем течении

¹⁰ Погребения 36 (раскопки П. П. Ефименко), 116 (раскопки Т. А. Кравченко) Шатрищенского могильника; 131 могильника Заречье.

¹¹ Погребение 80, Никитино; погребение 73, Борок 2; погребения 703, 772, 1129 Шокши, а также находки составляющих таких уборов в Шатрищах и Борках.

р. Мокша относятся ко второй половине – концу IV в. Возможно, к этому времени и относится начало расселения здесь рязанских финнов (Колл. № 482, Рязанский историко-архитектурный музей заповедник; *Гришаков*, 2016). Это могло способствовать инкорпорации представителей населения верхнего Примокшанья и, возможно, Посурья в состав рязанских финнов.

Ансамбли женских головных уборов рязано-окских финнов во II–V вв. можно разделить на четыре хронологических группы.

Первая группа II – первой половины III в. известна по материалам Кошибеевского могильника. Наиболее ранние образцы конца I (?) – первой половины II в. н. э.¹² полностью расшивались бляшками и пронизями, с четко выраженными элементами «прикамского» облика, указывающими на то, что основой для формирования ансамбля женского костюма рязано-окских финнов были древности андreeвско-писеральского круга, носители которых мигрировали на запад из Заволжья на рубеже эр (рис. 20: 1, 2). В поздней фазе этого периода головные уборы рязанских финнов становятся гораздо более скромными, их остатки представлены отдельными деталями расшивки, например, нижнего края уборов – в дальнейшем, видимо, эволюционировавшими в налобные венчики (погребение 1 Кошибеевского могильника из раскопок В. Н. Глазова) (рис. 20: 3). К первой половине III в. относится уникальный головной убор из погребения 12 Кошибеевского могильника из раскопок А. А. Спицына с горизонтальными полосами из ремней с пронизями, соединенными фронтальной полосой пронизей с круглыми бляшками на пересечении полос и высоким поперечным гребнем, украшенным полосами пронизей и бляшек, а также пластинами на концах, аналогов которому пока не известно (*Спицын*, 1901. С. 14, 15. Рис. 7) (рис. 20: 4).

В это время у родственного населения в Примокшанье и Посурье вырабатывается самобытный тип головного убора с продольным членением купола убора, с крупными бляхами или застежками на затылке и подвесными пластинами по нижнему краю убора.

Во второй половине III в. – начале IV в. подобная схема становится обычной для головных уборов рязанских финнов второй группы, однако их отличительной чертой является сочетание местных, «рязанских», форм – блях с концентрическим ор-

наментом, на которых позже появляются накладки, и москворецко-верхнеокских элементов – ажурных застежек с шумящими привесками, застежек круга восточноевропейских эмалей, крупных височных колец с лопастью (рис. 20: 6–8). Именно участие москворецко-верхнеокского населения в процессе формирования рязано-окской культуры обусловило ее отличие от культуры родственных групп в западной части Среднего Поволжья. В первой половине IV в. появляются отдельные находки украшений, связанных по происхождению с районами Посурья и Примокшанья.

В головных уборах третьей группы второй и третьей четвертей IV в. используются новые типы ажурных застежек и пластинчатых блях, височные кольца с лопастью сменяются другими типами подвесок, среди которых встречаются и описанные выше «коробчатые» отличительной чертой становится использование привозных «черняховских» фибул, которые рассматривались как элементы «престижного» декора (рис. 20: 9, 10).

Рассмотренные в работе уборы четвертой группы по набору элементов можно разделить на две подгруппы:

А – уборы собственно рязано-окские, выполненные в традициях группы 3, но с новыми типами украшений (рис. 20: 11, 12).

Б – уборы, в составе которых сочетаются рязано-окские категории – ажурные застежки и бляхи поздних форм, височные подвески, наконечники, затылочные кисти, и посурско-примокшанские – пластинчатые рифленые подвески и «коробчатые» привески (рис. 20: 13, 14).

Внутри подгруппы 4Б выделяются более ранние уборы¹³ рубежа IV – V – первой половины V в. и наиболее поздние уборы второй половины V – рубежа V–VI вв.¹⁴ Симптоматично, что наиболее ранний из уборов группы 4Б (погребение 703 Шокшинского могильника), вместе с которым найдена рязано-окская крестовидная фибула, свидетельствующая о принадлежности погребенной к «элите» коллектива, оставившего этот некрополь, найден на восточной границе ареала культуры рязанских финнов, что подтверждает высказанные выше предположения об инкорпорации посурско-примокшанского населения в рязано-окские коллективы.

¹³ Погребение 703 Шокшинского могильника, погребение 80 Никитинского могильника, погребение 73 могильника Борок 2.

¹⁴ Шатрищенский могильник из раскопок А. И. Черепнина; ажурная бляха из могильника Борок 2; погребения 772 и 1129 Шокшинского могильника.

¹² Кошибеевский могильник: погребения 42, 50, 53, 58 из раскопок А. А. Спицына; погребения 24, 33 из раскопок В. Н. Глазова.

Большинство сложных головных уборов рязанских финнов найдено в захоронениях с репрезентативным инвентарем, в которых реконструируется костюмный комплекс, сопоставимый с «... наиболее богатым и торжественным...» свадебным нарядом, который мог использоваться и в ритуале «посмертной» свадьбы, если умершая девушка не успела выйти замуж при жизни (Белоцерковская, 2014. С. 198, 201, 202). Головные уборы группы 4 демонстрируют финал этой традиции, позже, на новом этапе развития женского костюма рязанских финнов в VI–VII вв. подобных сложных уборов не зафиксировано, хотя в это время бытовал представительный набор височных украшений, накосников и затылочных кистей, изредка встречаются и находки налобных венчиков (Белоцерковская, 2014. С. 207–210. Рис. 5, 6). Возможно, сами головные уборы не украшались или декорировались несохранившимися деталями из органических материалов – текстиля, кожи, меха. Находка в погребении 42 Кузьминского могильника второй половины – конца V в. остатков головного убора, свод которого был украшен композицией из нашитых ремешков с пронизиями, имитирующей бляху с радиальными накладками, может служить в качестве косвенного аргумента в пользу этого предположения (Спицын, 1901. С. 94. Табл. XIX: 6; Ефименко, 1926. С. 72; Белоцерковская, 2014. С. 184).

Используя опыт изучения рязано-окского текстиля А. К. Елкиной, И. И. Елкиной и О. В. Орфинской, нам удалось значительно расширить сформированную ими базу данных образцов текстильных материалов. Это помогло выстроить типологию текстильной части головного убора.

Ткани головных уборов практически не менялись на протяжении веков. Это всегда шерсть, чаще всего полотняного переплетения, реже саржевого. Были идентифицированы только три цвета для окрашенных тканей: коричневый, красный и синий, правда, наши методы не позволяют говорить о кра-

сителях. Во всех случаях «шапочка» была изготовлена из синей или коричневой ткани, со швом на затылке. Нижняя часть украшена широкой (около 5 см) полотняной или саржевой лентой.

К сожалению, использовавшиеся рязано-окскими текстильные материалы и технологии не могут служить основанием для атрибуции, так как подобные ткани и нити, произведенные с использованием достаточно простого оборудования, использовались в очень разных культурах на протяжении длительного времени. Однако в ассортименте рязано-окского текстиля есть некоторые образцы, сильно выделяющиеся на фоне прочих. Один из таких примеров – шарф из погребения 69 Кузьминского могильника. Он не только уникален по форме, но и изготовлен из очень тонких волокон. Как правило, шерсть, использованная для изготовления изученного нами текстиля, значительно грубее и хуже отсортирована (использованы очень разноразличные волокна: от тонких пуховых до очень толстых остевых). Необычность шарфа и не характерное для данного времени и региона волокнистое сырье позволяют предполагать, что он был привезен сюда в виде готового изделия.

Рассмотренные в работе положения являются предварительными. Формат статьи не позволяет представить вниманию специалистов полный объем полученных результатов и наблюдений, что будет сделано позже. Тем не менее мы можем констатировать, что головные уборы рязанских финнов, развиваясь во времени, демонстрируют сочетание в их составе традиционных местных элементов и появляющихся инокультурных влияний, маркирующих изменения в жизни общества. Изучение головных уборов и их места в костюме и погребальном ритуале предоставляет дополнительные возможности для выделения возрастных и социальных маркеров, реконструкций структуры общества, определения направлений культурных контактов и взаимодействий рязанских финнов. Все это делает данную категорию находок уникальным источником.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахмедов И. Р., 1995. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4 / Отв. ред. В. П. Челяпов. Рязань: Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области. С. 89–109.
- Ахмедов И. Р., 2001. Работы Рязано-Окской археологической экспедиции ГИМ в 2001 г. // АО 2001 г. С. 96–97.
- Ахмедов И. Р., 2007. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред.: И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 137–185. (PCM; вып. 9).
- Ахмедов И. Р., 2018. Восточноевропейские эмали на Волге и Оке // Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin (For professor Andrzej Kokowski on His 65th birthday) / Red. B. Niezabitowska-Wisniewska. Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin 2018. S. 648–669. (STUDIA BARBARICA; t. I).
- Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В., 2019. Находки круга «восточноевропейских» эмалей и некоторые вопросы формирования культурного комплекса рязано-окских финнов // КСИА. Вып. 254. С. 128–147.
- Белицер В. Н., 1973. Народная одежда мордвы / Отв. ред. Г. С. Маслова. М.: Наука. 215 с. (Труды Мордовской этнографической экспедиции; вып. III).
- Белоцерковская И. В., 1998. Головной убор из могильника Кораблино // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина) / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли. С. 40–49.
- Белоцерковская И. В., 2000. Верхнеокские элементы в культуре рязано-окских могильников // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: материалы научной конференции / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М.: ГИМ. С. 99–108. (Труды ГИМ; вып. 122).
- Белоцерковская И. В., 2007. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред.: И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 186–212. (PCM; вып. 9).
- Белоцерковская И. В., 2014. Женский костюм окских финнов V–VII вв. Традиции и новации // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред.
- А. М. Обломский. М.: ИА РАН. 2014. С. 178–229. (PCM; вып. 14).
- Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н., 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Историко-социологический ин-т Мордовского гос. ун-та им. Н. П. Огарева. 352 с.
- Воронина Р. Ф., 1989. Женские головные уборы окских финнов V–VII вв. (по материалам Никитинского могильника) // СЭ. № 4. С. 102–107.
- Воронина Р. Ф., 1973. Женский головной убор среднепеченской мордвы VIII–XI вв. // КСИА. Вып. 136. С. 47–55.
- Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В., 2005. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. М.: ИА РАН. 176 с. (Труды отдела Охранных раскопок; т. 3).
- Гаген-Торн Н. И., 1960. Женская одежда народов Поволжья. Материалы к этногенезу / Ред. П. В. Денисов. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во. 230 с.
- Георги И.-Г., 1799. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обычаев, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 1: О народах финского племени известных по Истории Российской под общим именем Руссов. СПб.
- Гришаков В. В., 2008. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2 / Ред. Г. Н. Белорыбкин Пенза: ПИРО. С. 56–111.
- Гришаков В. В., 2016. О начальной фазе раннесредневекового Шокшинского могильника в Нижнем Примокшанье // Культурный слой: сб. науч. ст. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та. С. 48–59.
- Елкина А. К., Елкина И. И., Орфинская О. В., 2005. Исследование текстиля из Никитинского могильника // Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. М.: ИА РАН. С. 141–147. (Труды отдела Охранных раскопок; т. 3).
- Ефименко П. П., 1926. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Т. III, вып. 1: Этнографический отдел Государственного Русского музея. Л. С. 59–84.
- Ефименко П. П., 1975. Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии / Ред.

А. П. Смирнов и др. Саранск: Мордовское кн. изд-во. С. 7–36. (Труды МНИИЯЛИЭ; вып. 48).

Королева М. С., 2018. Археологический текстиль и кожа из древнемордовских памятников I – начала II тысячелетия н. э.: дис. ... канд. ист. наук. Казань.

Кравченко Т. А., 1974. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли / Ред. А. Л. Монгайт М.: ИА АН СССР. С. 116–183.

Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., 2010. Могильник Большое Давыдовское 2 – погребальный памятник первой половины I тыс. н. э. в Суздальском Ополе // РА. № 1. С. 41–52.

Мартыанов В. Н., 1976. Декоративный комплекс женского костюма мордвы-мокши VIII–XI вв. // Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Мордовское кн. изд-во. С. 88–106. (Труды МНИИЯЛИЭ; вып. 52).

Монгайт А. Д., 1961. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР. 400 с.

Мясников Н. С., Мамонова А. А., Гришаков В. В., 2018. Реконструкция женского головного убора второй половины II в. н. э. из Сендимиркинского могильника в Сурско-Свияжском междуречье // КСИА. Вып. 250. С. 73–90.

Орфинская О. В., 2005. Исследование текстиля (Из раскопок 1978 г.) // Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В., 2005. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 147–156. (Труды отдела Охранных раскопок; т. 3).

Паллас П.-С., 1777. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.

Спицын А. А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Вып. 1. СПб. 119 с., XXX табл. (Материалы по археологии России; № 25).

Спрыгина Н. И., 1928. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии: По материалам Экспедиции 1925 г. Пенза: типолитография им. Воровского. 46, 4 с., XIV вклад. л. ил. (... / Средне-Волжск. Пензенск. обл. музей; вып. 3).

Трубинова Н. В., 1982. Головные уборы из Кошибеевского могильника // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. 2. М. С. 43–47, 107–112. (Труды ГИМ; вып. 54).

Pallas P.-S., 1773–1777. Merkwürdigkeiten des Morduanen, Kasaken, Kalmücken, Kirgisen, Baschkiren etc. Frankfurt; Leipzig.

I. R. Akhmedov, I. V. Belotcerkovskaya, A. A. Mamonova

ABOUT ONE TYPE OF FEMALE HEADDRESS OF THE RYAZAN FINNS IN THE 3RD-5TH CENTURIES AD

Abstract. The article considers the finds of headdresses from the burial grounds of the ancient Finn populations living along the Ryazan section of the Oka River in the 3rd–5th centuries AD. The main focus is on the most representative headdresses dated to the end of the 4th and 5th centuries from the burial grounds of Kuzminskii, Gaverdovo, Nikitino, Shatrishchi, Borok 2, and Shoksha. Here, the results of the study of textile remains from Burial 69 of Kuzminskii, Burial 80 of Nikitino, and Burial 3 of Gaverdovo, are presented and discussed together with metal details of the headdress' decor. Using a multidisciplinary approach, the authors traced the evolution of one of the forms of women's headdresses, the so-called cap with additional decorative elements made of metal (i.e. sewn-on plaques, headbands, openwork clasps, occipital and temple plates and pendants). Interestingly, the fabrics, fabric tapes and threads used for making headdresses do not change much over the analyzed time interval. This may indicate the slow development of textile technology and the preservation of tradition in weaving and tailoring hats. The range of fabrics used in other parts of the costume is much wider. The study of textiles from the examined archaeological objects, the quality of raw materials and the manufacturing technology, allow us to assume their either local or imported origin. The definition of the color palette in the course of the study made it possible to make graphic color reconstructions of especially significant objects. The evolution of the metal decor of the headdresses of the Ryazan Finns was similar to another related population that settled the upper Moksha River and the Sura River regions. The basis of these forms are the headdresses dated to the 2nd – beginning of the 3rd centuries AD from the burial Koshibeevo, with the pronounced features of the Kama region. In the middle and the second half of the 3rd century AD, the analyzed headdresses reveal clasps and temple rings with a blade, which, by their origin, are related to the cultures of the populations from the Moscow River and the upper reaches of the

Oka River. This phenomenon reflects the participation of these cultures in the genesis of the culture of the Ryazan Finns. In the first half of the 4th century AD, single elements appear in the headwear composition that are related to the population of the upper Sura and Moksha rivers. In the second and third quarters of the 4th century AD, the so-called “Chernyakhov” fibulae are also used for the decoration of headwear. However, the most representative is the group dated to the end of the 4th and the 5th century AD. The headdresses of this group are characterized by the use of local and imported fabrics, an abundance of bronze decorations, among which the late local elements (e.g. openwork clasps, lamellar plates, braid decorations) and the Sura-Moksha elements (i.e. corrugated and box-like pendants) are present. These features indicate inclusion in the Ryazan-Oka populations of people from the areas along the Sura and Moksha rivers, which may be related to the exploration of the lower reaches of the Moksha River by the Ryazan Finns, as suggested by the archaeological records. The headdresses described in this article depict the most representative category of the female costume of the Ryazan Finns. In the ethnography of the Volga Finns, the role of the ceremonial female headdress as a marker of the social and age status is well described. The most representative have always been wedding dresses, sometimes also used in funeral rites, for example, in the ritual of a “posthumous” wedding for women who did not get married in their lifetime. Apparently, this role could be played by the headdresses presented in the article.

Keywords: Ryazan-Oka Finns, female costume, headdresses, textiles, technology, design, chronology, cultural interactions.

I.I. Elkina, M. Wagner, P.E. Tarasov (Eds.).

The art of ancient textiles. Methods of investigation, conservation and reconstruction.

Series *Archaeology in China and East Asia*, Volume 7.

Nünnerich–Asmus Verlag & Media GmbH, Oppenheim am Rhein, 2019. 400 p.

DOI: 10.34780/acea.v7i0.1000

И.И. Елкина, М. Вагнер, П.Е. Тарасов (ред.).

Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция.

Серия *Archaeology in China and East Asia*, Том 7.

Nünnerich–Asmus Verlag & Media GmbH, Оппенхайм-на-Рейне, 2019. 400 с.

DOI: 10.34780/acea.v7i0.1000